

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вншневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

ОРГАН
ПРАВЛЕНИЯ
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
СССР

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДНИ

Незабываемые, исторические дни переживает наша страна. Выполнив свой священный долг, могучая и непобедимая Красная Армия освободила народы Западной Украины и Западной Белоруссии от гнета польских панов. Народы, насильно оторванные от своих единоверных братьев, наконец, воссоединились.

Новый долг узыходзіць зара,
Будзеш жыць ты без панскай апеки:
Адышла, адышла іх пара,
І панам не вернуцца на векі.

Так пишлет в стихотворении «Своему народу» Якуб Колас.

Да, зоря новой доли, солнце новой, счастливой, светлой жизни взошло над Западной Белоруссией и Западной Украиной. Вот оно, теплое солнце, которое восходит с той стороны, где жить хорошо!.. — Двадцать лет раз'едала нас горькая слеза. Теперь мы плачем от счастья. Оно пришло оттуда, откуда мы его давно ждали. Принесли его с собой сыны самого большого в мире человека — Иосифа Сталина.

Эти слова облетели весь мир, их сказки освобожденные от панского гнета украинцы и белорусы Головчи. Такими замечательными словами встречали наши единоверные братья свою освобожденную Украину — Красную Армию.

В этих простых, идущих от сердца словах выражены самые сокровенные мысли и чаяния освобожденного народа.

Время страданий и угнетений для народов Западной Белоруссии и Западной Украины окончилось. Вместе со всеми народами Советского Союза они начинают строить новую, счастливую жизнь. Народы Западной Белоруссии и Западной Украины, объединившись с братьями по крови народами СССР, получают от них нужные поддержку и помощь для того, чтобы как можно скорее залечить раны, нанесенные им польскими паннами.

Панская Польша всегда была извечным врагом и поработителем белорусского и украинского народов. Польские паны пользовались любимыми самыми изверженными методами угнетения и наказания на крестьян. Народы Западной Белоруссии и Западной Украины в течение многих веков вели непрестанную борьбу со своими поработителями.

Вонющая нищета парила в деревнях Западной Белоруссии и Западной Украины. Даже соль и спички были недоступны крестьянскому люду. Население деревень было самым высоким во всей Западной Европе. Трахомы становились общераспространенной болезнью. Ослепшие от трахомы насчитывались тысячами. Как выходы из могил, босые, в ломотях, бродили они по деревням, распева жалобные, хватающие за сердце песни о своей несчастной доле.

Польские паны обречали крестьянство Западной Белоруссии и Западной Украины на безработицу и невежество. Они не признавали за белорусским и украинским народами права на существование. Они из польских министров в ответ на просьбу об открытии частных школ на национальных языках отвечали, что белорусов и украинцев нет, что есть только поляки и что через олин-другой десяток лет все будут говорить только по-польски. Детей загоняли в польские школы, но в этих школах не могли посещать, так как были босы и голоды.

Трудящиеся молодежь Западной Белоруссии и Западной Украины была лишена возможности не только поступать в высшую школу, но вообще учиться.

Большой разительный контраст являют Советская Украина и Советская Белоруссия, живущие в дружбе между собой и со всеми народами СССР. На освобожденной от гнета капиталистического рабства земле пышно расцвела дружба народов СССР. «Дружба между народами СССР — большое и серьезное завоевание. Ибо пока эта дружба существует, народы нашей страны будут свободны и непобедимы. Ничто не страшит нас, ни внутренние, ни внешние враги, пока эта дружба живет и здравствует» (Сталин).

Панами этой дружбы вот уже свыше двадцати лет пользуются свободно народы нашей великой страны.

Рассвет науки и искусства, просвещения и техники, литературы и печати в национальных республиках достигает невиданных размеров. За последние десять лет расходы на социально-культурное стро-

ительство по Советской стране выросли в 25 раз, а по некоторым национальным республикам больше, чем в тридцать раз.

В Советской Украине в 1938—1939 году обучалось в начальных, неполных средних и средних школах 5,5 миллиона детей, в том числе 2,1 миллиона в пятидесятых классах. В высших учебных заведениях Советской Украины в том же году обучалось 124,4 тысячи студентов, в техникумах — 172,4 тысячи учащихся. В Украинской ССР имеется (по данным 1938 г.) 12 театров и 979 киноустановок, в том числе 339 звуковых.

В Советской Белоруссии в 1938—1939 году обучалось в начальных, неполных средних и средних школах свыше одного миллиона детей, в том числе 356 тысяч в пятидесятых классах. В высших учебных заведениях Советской Белоруссии в том же году обучалось 17,1 тысячи студентов, в техникумах — 35,9 тысячи учащихся. В Белорусской ССР имеется (по данным 1938 г.) 12 театров и 979 киноустановок, в том числе 339 звуковых.

Надвину построений и открытый Государственный белорусский театр оперы и балета является одним из лучших в стране.

Счастливые времена настали и для народов Западной Украины и Западной Белоруссии. Панская Польша перестала существовать. Она развалилась, как картонный домик, от удара ветра. Независимые правители, бездарное польское правительство, брошившее население на произвол судьбы, бежало из страны.

Красная Армия, выполняя распоряжение своего главного командования, перешла для защиты своих братьев украинцев и белорусов кордон, отделявший Советскую Украину и Белоруссию от Западной Украины и Западной Белоруссии. Этим Красная Армия выполнила волю советского правительства и всего многомиллионного советского народа, выраженную в словах товарища В. М. Молотова: «Советское правительство считает своей священной обязанностью подать руку помощи своим братьям — украинцам и братьям — белорусам, населяющим Польшу».

Ликующие, радостные и счастливые трудящиеся Западной Украины и Западной Белоруссии с непередаваемым восторгом встретили свою родину, героическую Красную Армию. Так можно встретить только армию — освободительницу, только армию, которая есть плоть от плоти и кость от кости великого советского народа, только армию, которая представляет собою самый народ, выражает его волю и чаяния, его надежды и лучшие идеалы.

Исторический день 17 сентября 1939 года, приход Красной Армии на помощь своим единоверным братьям Западной Украины и Западной Белоруссии, волнующие и незабываемые встречи в освобожденных городах и селах достойны быть увековеченными в произведениях советских писателей самыми яркими красками, самыми вдохновенными словами.

Особовид от панского гта и взав под свою защиту народы Западной Украины и Западной Белоруссии, советское правительство делает также все необходимое для того, чтобы вывозить польский народ из заложничной войны, куда он был ввергнут своими неразумными руководителями, и дать ему возможность зажить мирной жизнью.

Дни и события, которые мы переживаем, загляли новый пламень патриотизма в сердце каждого советского гражданина. Советский народ еще теснее сплотится вокруг своего правительства, вокруг великой партии Ленина—Сталина.

Ликующая песнь освобождения разносит по широкому полю и лугам Западной Украины и Западной Белоруссии. Народы начинают новую жизнь. Под руководством великого вождя трудящихся всего мира товарища Сталина народы Западной Белоруссии и Западной Украины, вдохновленные радостью освобождения от гнета панской Польши, принимаются за строительство новой жизни. Пройдут годы. Народы Западной Белоруссии и Западной Украины забудут о своем тяжелом прошлом. Грустные песни о неволе, о панском гнете и насилии останутся историческим воспоминанием. Вместо песен о горе и страданиях народы Западной Белоруссии и Западной Украины создадут новые вдохновенные песни о новой жизни и о своем освобождении — великом Сталина.

ЯКУБ КОЛАС

СВАЙМУ НАРОДУ

На прастор, на шырокі разлог
Выхадзі, мой народ, грамадою:
Сотні новых і юных дарог
Расцілае жыцце пред табою.

Новая долі узыходзіць зара,
Будзеш жыць ты без панскай апеки:
Адышла, адышла іх пара,
І панам не вернуцца на векі.

Паглязі, як прастора вакрут,
Як прышлілі палатны, васцелі!

Твае усё: гэта поле і луг,
А у палатах будуй сабе школы.

Ізы ж смела і чэсна уцярод
Разам з наму дарогай азінай:
Мудры Сталін выдзе свой народ
Самай вернай і прастай пунінай.

На прастор, на шырокі разлог
Выхадзі, мой народ, грамадою:
Многа новых, шчаслівых дарог
Расцілае жыцце пред табою.

АЛИО МАШАШВИЛИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ ССП ГРУЗИИ

ВТОРОЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ

Прошло семь лет со времени первого съезда советских писателей Грузии. Этот период характеризуется большими достижениями в грузинской литературе. Наша литература стремилась и стремится отобразить художественными средствами великие сдвиги, происходящие в экономике и в сознании людей страны социализма.

Первый период колхозного движения в Грузии нашел свое отражение в романе Константины Лорткианидзе «Имерети». Несмотря на то, что некоторые эпизоды романа написаны схематично, в целом он представляет собой ценное художественное произведение, рисующее зарождение и развитие колхозной жизни. Новой социалистической деревне посвящен также роман Копеташвили Гамсахурдия «Похищение луны». Гамсахурдия главным образом рисует жизнь людей прошлого, обреченных на гибель и лишений смысла существования в обстановке социалистической действительности. Такими последними могилками менелеских и абхазских феодалов Шервашидзе, Эмухвари, Апкидзе и других. Архаичная Эвабана — представительница нового поколения молодежи советской деревни — обрившая бороду. Автор не сумел показать той социальной обстановки, в которой родился и вырос Архаичный. Несмотря на это, «Похищение луны» — значительный шаг вперед в творческом пути автора. В описании быта и образов прошлого Гамсахурдия проявил себя безусловно талантливым художником-реалистом.

Значительным явлением в нашей литературе является роман А. Чопшвили «Лело». Последний период колхозного строительства рисует также роман Лео Квачели «Гвади Витва». Писатель показывает процесс воспитания новых людей, а также перевоспитания людей прошлого в обстановке социалистической деревни.

Из произведений, посвященных колхозной деревне, надо отметить также роман Ел. Полуторидзе «Пробуждение горы», поэму Карло Каладзе «Учардиони», пьесу С. Мтавадзе «Шпегт», комедию П. Какабадзе «Свадьба в колхозе», драму П. Вакали «Зависть», повести И. Лисавили «Зов в горах», С. Тавадзе «Награда».

Колхозная жизнь нашла свое отражение и в лирической поэзии. На фоне богатого грузинского пейзажа показана жизнь новой деревни в стихах С. Чиковани, Г. Табидзе, И. Мосашвили, А. Абашичи, Ал. Гомишвили, Г. Качахидазе.

Центральной фигурой грузинской литературы до сих пор является человек деревни. О жизни и борьбе рабочего класса новыми писателями написано еще мало. Правда, о людях социалистической индустрии у нас уже есть ряд произведений, как, например, роман П. Чхикадзе «Этажи», Б. Чхелидзе «Феро», И. Лисавили «Водопад», но все эти произведения художественно слабые.

О темных временах господства в Грузии контрреволюционного меньшинства повествует роман Ал. Кутатали «Литом к лицу». В нем правдиво и убедительно показаны нищета и разруха, царившие в Грузии в эти годы, то героическое сопротивление, которое оказывали меньшинст-

ским правителям рабочие и крестьяне во главе с большевиками. Из произведений, посвященных гражданской войне, следует отметить поэмы Галактиона Табидзе «Джон Рид» и «Эпоха», повесть Л. Квачели «Брейер «Шандт», роман С. Киднашвили «Пенел».

Замечательный труд товарища Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» дал мощный импульс грузинским писателям к созданию произведений о героическом прошлом трудового народа. Вдохновенный этим трудом Шалва Даднапи написал свою драму «Из искры».

Среди произведений, рисующих историческое прошлое, следует отметить как большие достижения нашей литературы роман К. Гамсахурдия «Девония грессмейстера Константиана», роман Д. Шенгелая «Бата Багда», его же повесть «Художник», роман С. Кварниани «Георгий Саакадзе», пьесу С. Шанишвили «Арсен», романы П. Чхикадзе «Мурджапан Дашеквиани» и «Шаги», драму И. Вакали «Шамил».

Советский патриотизм, любовь к родине, торжество Сталинской Конституции, героизм лучших сынов нашей родины являются органическими темами грузинской советской литературы. Много прекрасных стихов и поэм созданы на эти темы Г. Табидзе, И. Мосашвили, С. Чиковани, А. Абашичи, И. Гришавили, Г. Леонидзе, Ир. Абашидзе, К. Каладзе, А. Гомишвили.

Замечательная жизнь и борьба великого Сталина вдохновили поэта Г. Леонидзе на создание большого эпического полотна. Эта поэма также является значительным достижением грузинской литературы.

Грузинские писатели в настоящее время готовят сборник художественных произведений, посвященный городу Гори — родине Сталина. В сознании сборника участвует весь актив советских писателей Грузии.

Ярко иллюстрирующей сталинскую дружбу народов является большой интерес, который проявляют грузинские писатели к деревням на родной язык лучших литературных творений братских народов. Грузинские поэты перевели ряд стихотворений и поэм Пушкина и Тараса Шевченко, гениальный русский эпос «Слово о полку Игореве», бессмертный армянский народный эпос «Давид Сасунский».

Грузинская литература обогатилась произведениями молодых писателей. Многие из них проявили себя одаренными литераторами, например: Амисулашвили, Каладзе, Геловани, Баилаури, Джабушани, Убилава, Саджаза, Асатиани, М. Мрелишвили, Исвани.

Мудрые слова великого Сталина о том, что писатели являются «инженерами человеческих душ», наполняют каждого писателя чувством гордости и морального удовлетворения. Коммунистическая партия, советская власть создают все условия для плодотворной творческой работы писателя. Наш долг ответить на это уславленную работу. Мы должны создавать высокохудожественные произведения, достойные нашей великой эпохи.

ОПЕРАТИВНЫЕ СВОДКИ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА РККА

24 СЕНТЯБРЯ 1939 г.

В течение 24 сентября части Красной Армии, продолжая выдвижение к демаркационной линии, заняли гор. Сейны, Августов и Грушево, вышли на линию Августов, Кнышин, Брянск, Расно (40 км. северо-западнее Брест-Литовска), Пищав (20 км. юго-западнее Брест-Литовска), Любомль, Грушево, Унув, Янув (20 км. северо-западнее Львова). К юго-западу от гор. Львова заняты Комарно, Дрогобыч и Берислав.

Продолжая операции по очищению территории Западной Белоруссии и Западной Украины от остатков польской армии, части Красной Армии при ликвидации групп польских войск к юго-востоку от крепости Брест-Литовск разоружили и взяли в плен свыше 10.000 солдат и офицеров и в районе к югу и юго-востоку от Грушево взяли в плен пехотный полк и части механизированной бригады.

25 СЕНТЯБРЯ 1939 г.

В течение 25 сентября части Красной Армии, продолжая выдвижение к демаркационной линии, заняли гор. Суваляки и Гонимондз и вышли на линию Суваляки, Гонимондз, Сураж, Янов (30 км. северо-западнее Брест-Литовска), Опалин, Дубенна (оба пункта на р. Буг 24—30 км. северо-восточнее и юго-восточнее Хома), Номаров, Лавринов (15 км. юго-восточнее Рава-Русска), Подгайчини (25 км. северо-восточнее Самбора), Унятычи (10 км. северо-западнее Дрогобыча), Рыбнин (40 км. западнее Стрия), Нозова (50 км. юго-западнее Стрия).

В Западной Белоруссии и Западной Украине продолжают операции по очищению от остатков польских войск.

МАКСИМ РЫЛЬСКИЙ

БРАТАМ

Там, де творил син Яця-ковалья,
Франко великий, каменяр могучий,
Весняним громом загула земля
І скинула кайдани нестерпучи.
Продавший Львове, Киева сини
Твоих синів, братів своїх вігнать,
І бачши ті: на прапорах війни
Слова про мир, як райдуга сіяють.
Всій шляхті — меч! Трудящим —
лавр і мир!
Усім панам — нещадне блискавиця!
Хай друг живе! Нехай конає звір!
Брати братам, як сонце,
усміхніться!

ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ ЭПОСА «ДАВИД САСУНСКИЙ»

Заключительное заседание пленума ССП СССР

19 сентября. Горячими аплодисментами встретили зал мастера армянской поэзии Аветика Исаакяна, открывшего докладом «Образ Мгера» третьи заседание пленума правления ССП СССР. Тов. Исаакян говорил о тех изменениях, которые претерпел образ последнего из богатейших Сасуна.

После доклада Дереника Демирчяна о поэзии и образах эпоса выступил М. Лозинский с речью на тему «Валерий Брюсов и его перевод «Давида Сасунского».

— Наш долг, — говорил М. Лозинский, — почтить благодарным словом память русского поэта, много сделавшего для того, чтобы перед теми, кто читает по-русски, во всем блеске раскрылись сокровища армянской поэзии. Этим поэтом был Валерий Брюсов. Будучи глубоко требовательным к себе, он ознакомился с армянским языком и литературой от Армении. Он преодолел огромный труд. «Побудить к этому, — рассказывает он, — могло лишь одно то, что в изучении Армении я нашел несомненный источник высших духовных радостей, что как историк, как человек науки я увидел в истории Армении целый самобытный мир, в котором тысячи интересных и сложных вопросов будили научное любопытство, а как поэт, как художник я увидел в поэзии Армении такой же самобытный мир красоты, новую, раньше неизвестную мне вселенную, в которой блистали и светились высшие создания подлинного художественного творчества...»

О близости армянского эпоса туркменскому народу и его эпическим творениям горячо говорил писатель Каушутю. Он говорил о дружбе и единстве народов Советской страны, которую они готовы защищать от врагов.

Писатель Ладжинов приветствует потомков героев эпоса «Давид Сасунский», народ Армении, ее писателей и ученых от имени счастливых потомков героев «Джангара» — богатейшего эпоса Калмыкии.

— Строчи «Давида Сасунского» — говорит он, — на родном калмыцком языке читают у нас чабаны, гуртоправы, рыбаки, учащиеся, интеллигенция. В армянском эпосе, как и в калмыцком «Джангаре», воплощены лучшие черты народа.

От имени писателей Чувашки выступает товарищ Эльгерт. Он говорит о тяжелой, рабской жизни чувашского народа до Великой социалистической революции. Не раз чувашский народ вставал против угнетения. Восстания подавлялись, но народ не терял веры в светлую жизнь. Ее принесла с собой Великая социалистическая революция, соединившая разрозненные народы Советского Союза в единую дружную семью. Дружба народов нашей страны, заключил тов. Эльгерт, священна и чиста, как прекрасные воды Севана.

Я. Рочев передает счастливому народу Армении братский привет с далекого Севера, от народов Коми. Культура народов Коми гигантских масштабов. Бывшим «зрянам» стали доступны произведения лучших представителей мировой литературы — Пушкина, Лермонтова, Толстого, Горького, Маяковского, Шевченко, Руставели. Гениальный эпос «Давид Сасунский» народ Коми читает на родном языке. Рочев заканчивает свою речь благодарностью тому, кто дал народу Коми свободу и счастье, — товарищу Сталину.

Д. Бвциния приветствует прекрасную

Планет работы художника А. Рачевского, (Издательство «Искусство»).

Свидетельские показания польской литературы

Что расскажет польская литература будущим поколениям о последнем — черном двадцатилетии польской истории, гордо и живо именовавшемся новой эрой возрождения Польши?

Польская шляхта, захватившая власть в стране, с помощью своих цензоров и жандармов неистово душила литературу, всеми способами и средствами преследуя каждое живое, свободное слово. Но правда прорывалась через все препятствия, проникала даже в книги многих буржуазных писателей, несмотря на все их старания приукрасить мрачную польскую действительность. И сегодня особенно интересно взглянуть в польскую литературу, в которой отразились пороки и преступления, приведшие польское буржуазно-помещичье государство к упадку, развалу и гибели...

С первых же дней установления буржуазно-помещичьей власти рабочим стало ясно, что новые хозяева страны будут править во имя своих интересов, против интересов трудящихся. Крестьяне увидели себя обреченными смертоносным козырем трехликого удава: на них наступали польский помещик, польский жандарм и польский капиталист. Волна разочарования захлестнула и лучшую часть польской интеллигенции. Глубоко и горько разочарование не могло не охватить и тех польских буржуазных писателей, которые решались хоть сколько-нибудь честно отразить польскую действительность.

Андрей Струг к тому времени уже основательно забыл свои юные революционные увлечения. В своих романах он черпал Великую социалистическую революцию в СССР и клеветал на русский пролетариат. Но то, что он увидел в «возрожденной» Польше, наполнило и его чувством протеста и возмущения. В своем романе «Поколение Марка Смыды» Струг так охарактеризовал первый период установления польской государственности: «Нет путевой мысли. Приличные люди тонут среди обывательщины и спекулянтов, которые руководят всем. Какая грязь! Интриги! Скандалы! Все развращено до основания, даже молодежь!»

Герой Струга, Марк Смыда, вначале исполнен был наивных, но честных стремлений и веры. Но вскоре он убедился воочию: «Важный и все рисуют, проигрывают и отыгрываются, подматывают в карты партнеру, делают «вольты», играют красными картами. Горько тому, кто в этот колоссальный итерный притон является с каким-то творческим планом и воображает, что он останется честным... Разбитые же могли даже притворяться, будто они что-то знают, к чему-то стремятся... Всеобщим ополчением ринулись в атаку на завоевание портфелей, и каждый вел за собой колыну приятелей, шуринов и зятяев, развращенных алчных наследников». И, оглянувшись на пройденный им жизненный путь, Марк Смыда, от лица молодого поколения Польши, задает себе вопрос: «На что ушла моя жизнь?» и должен был ответить: «Не стоило жить».

Неужели смерть — единственный выход для разочарованного молодого поколения Польши? Андрей Струг не решился продолжать эту мысль. За него это сделал другой, близкий ему по умонастроению писатель — Стефан Жеромский в романе «Ранняя весна». Его герой — Цезарь Барыка — был в России во время Октябрьской революции. Он оказался столь же нелюбимым ею, как и автор романа. Но он поверил уверениям своего отца, сражавшегося в рядах Пилсудского, что в новой Польше все будет жить в «хрустальных дворцах», не зная бед и забот. И он вернулся на родину.

Вместо хрустальных дворцов он застал мрачные бараки и убогие хаты, гонимые нищеты и мрака. В столице он увидел грязные кварталы, населенные еврейской беднотой. На собрания коммунистов он услышал о страшной гибели извечных врагов над трущобами, о чудовищных патках. Он еще готов был защищать идеи, внушенные ему отцом. Сердитый и смущенный покинул он собрание. Но то, что он слышал на собрании, глубоко запало ему в душу. И когда вслеп за тем он увидел кошмарное в своем и новом мунире, шагавшего взад и вперед на длинном каменном возвышении обрести улицы, пропагандной грязью и нищетою, фигура польского выросла в его глазах, как символ, предстала как живое олицетворение государственного режима Польши. Он вернулся к своему старому другу и учителю Гавелу, выразителю всех заблуждений и иллюзий националистической польской интеллигенции, но он уже не мог поддаться его иллюзиям и возразил ему теми словами, которые еще недавно на коммунистическом собрании вызывали в нем протест:

«Мать моя умерла от тоски по Польше. И мой отец... А вы, мудрые правители, что вы сделали из этой тоски? Застенок... Польский, вооруженный всеми видами пытки, — вот на чем держится Польша... Народ голодает в деревнях. Народ именован на фабриках. Народ влачит бедное существование в предместьях. Как вы собираетесь улучшить положение евреев, занимающих в своем гетто? Ничего вы не знаете, у вас нет никаких идей и никаких планов... Ваши идеи — старые догматы немощных людей, которые не раз уже приносили Польшу к гибели...»

И еще: «Разве у вас есть смелость Лепина, чтобы рвать великое дело, разрушить старое и создать новое?»

И логика инвектив Жеромскому, что бы герой его применил к рабочей демократии, пошел на Бальведер — диктатор правителей Польши, пошел вместе с коммунистом Доломко, еще недавно возмущившим Цезаря Барыку словами: «Только бы продержаться до конца этой «независимости», а там еще можно будет спокойно пожить на свете!»

Герой романа Фердинанд Гетель, как и Цезарь Барыка у Жеромского, возвращается из России в «освобожденную» Польшу. Он питает такие же розовые на-

дежды на новую жизнь в Польше. И Фердинанд Гетель еще суровее, чем Жеромский, напуган своего героя: «Я вижу, как ты блуждаешь среди миллионов чужих тебе людей, далекий припелел, возвратившись слыи блуждающих отов». Сохранила твоих добродетель, сохраненные под панцирем чести, не скоро оценил отцпзла... Изнемогая от лужды и горюсти, бузель давитья горькой пиццей унижения и, блуждая одиноко, сотни раз очутишься в лощулке, из которой через калитку ничтожества проскальзывает на арену жизни вчерашний гал — будущий гражданин и любимец судьбы».

Вчерашний гал стал гордо именоватья гражданином Речи Посполитой и не только ринулся в атаку на завоевание теплых местечек, но и завоевал их, стал первой фигурой в государстве. И его, этот основной тип полого польского политического деятеля, также запечатлела польская литература.

Софья Натковская — старая польская писательница, интересовавшаяся преимущественно переживаниями тонкой аристократической души. Но когда в аристократические салоны проник «новый строй» и маркер», она написала повесть «Роман Терезы Генриет» и вывела в ней аристократов новой формации. Герой романа Юзеф Генриет велавно был еще прикзакитком, прельстившимся небольшими приданым, полученным его женой от ее любовника в качестве отступного. Во время войны су него не было никакой доли, не было своей котормы, он не делал ничего определенного, он делал оппья... А теперь товзлпши министра или государственного секретаря перед ним — ничто... Все знает, что всем завлывает в министерстве Генриет. Все зависит от него».

Но менее правдиво изобразил карьеру польского политического деятеля Доломг Мостович в романе «Карьера Николма Дымы».

Николма Дыма мечтал о месте таппора — исполнителя таппо в кафе. Эта мечта потеряла крах, но ему выпало другое счастье: он случайно нашел притязательный билет на раут у председателя совета министров и, воспользовавшись фразом, в котором собрался тапповать в кафе, отправился на бал. И он имел успех в кругах польской политической эллиты, ей импонировали его грубость и неосведомленность, его развязность и наглость. Николма Дыма очень скоро прослыл «сильным человеком», и когда кабинет попал в отставку, президент отправил в Дыма отцом с предложением сформировать новое правительство.

Даже буржуазные писатели не могли скрыть правду о панской Польше, о ее гнилой государственной машине, о гнетом гонимых ее аппарата власти, начавшемся с первых дней его возникновения, о ее незадачных правителях, пивных плачами патриции прикрывавших рубища бедарных, корыстных и жалких деловых.

В первую очередь в польской литературе отразилось самое вопиющее из всех преступлений польской шляхты — порабощение крестьянства, составившего три четверти населения Польши.

Романы Влады Василевской «Родина» и «Земля в ярме» широко известны советскому читателю. Но польская литература насчитывает немало других произведений, правдиво показывающих судьбу крестьянских масс.

В романе Яну Курека «Грипп свирепствует в Налраве» нас потрясает факты из жизни польской деревни: «Никто не зашплет огня. Оппа мертва. Нет керосина. Нет денег на керосин. У Гвнжжа вот уже вторую неделю стоит горшок с соленой водой, в которой можно раз варил карпючку. Вылить эту драгоценную жидкость нельзя, в ней еще не один раз будет вариться картофель... Налрава все больше погружалась в темноту, нищету и грязь. К вечеру у всех были печальные лица. По утрам вставали с трудом и неохотно. Неоачем вставать. Размокшая глина и каменистые пески не рвутся вперед. Крыши пропускают холодный северо-восточный ветер через сорванную

дрань или истлевшую солому. Вороны по-нуро порелетают по грустным, застывшим дворам. Удичительное дело: чужие люди тшательно обходят Налраву, а пошатной инспектор всегда находит сюда дорогу. Что тут возьмешь? По он выгоняет из двора свинью и единственную кормилпцу — корову...»

В. Ковальский в повести «В Гремячей» показал польскую пограничную деревню в переломные дни — от империалистической войны до установления польской «независимости». В его книге уже слышна горечь разочарования, пережитого польским крестьянством при первом столкновении с новыми отечественными порабощателями.

И Виктор запечатлел судьбы польской деревни в романе «Пашня на взгорье». Это поэтично-художественное произведение, в котором отражены не только нужда и лишения крестьянства, но и их моральное порабощение, ведущее к одиноанию, к потере всего, человеческого, растелавющее психику крестьянина.

Но если нас потрясает нечеловеческие страдания польских крестьянских масс, то стоить тяжелее была жизнь украинских и белорусских крестьян, томившихся под игом польской шляхты. Эта тема еще ждет своего художественного воплощения. Но и из тех страниц, которые в ряде произведений посвящены жизни на «кресах», вырисовывается чудовищная картина издевательств и насилия.

Может быть, Цезаря Барыку из романа Жеромского толкнуло в ряды рабочих демонстрантов то, что он услышал на коммунистическом собрании о кровавом терроре в Западной Украине и в Западной Белорусии. Он узнал: «Заклоченных пытайт электрическим током. Кузнецу Козловскому, с хутора Васильковщина, Волковской волости, связали руки и между рука и колен всунули железный кол; два польшеюки держали этот кол, поднимали Козловского вверх и, размахнувшись, кидали его о стену; Козловский ударялся, как мяч, о стену и падал на землю, от которой снова отскакивал; эта процедура продолжалась пятнадцать минут, и через три дня он умер в страшных мучениях... В деревне Делове, Новомитской волости, засекали насмерть розгами нескольких беременных женщин...»

Софья Натковская в своем «Романе Терезы Генриет» пишет:

«Когда порелтали тапповать, Латеря пошел к поручику Лину и вступил с ним в продолжительный разговор.

Латеря возвратился из потранных губерний... Там можно убедитсь воочию, до чего мы дошли, что мы купили такую цену — ценою потоков крови.

Поручик и сам задумывался об этом. Белорусы и украинцы, — с ними поступают не лучше. И Польша, которая в продолжение столетий лет изнывала в цепных рабства (поручик был поэт), теперь сама... Так вот из-за чего велась борьба... Вот что значит независимость!.. Здесь сидят в тюрьмах люди только из-за того, что являются последователями самых возвышенных, самых благородных идей... И никто не протестует, все молчат...»

— Это в порядке вещей... — говорит Латеря. — Такова Польша. Ничего другого нельзя было ожидать.

Характерно, что Доломга Мостович, рисуя восхождение своего героя, проходивша и мошеника Дымы, отводит ему вотивну на окраинах, где во-всю могут развертуться его таланты акселотатора, унелателя и насильника.

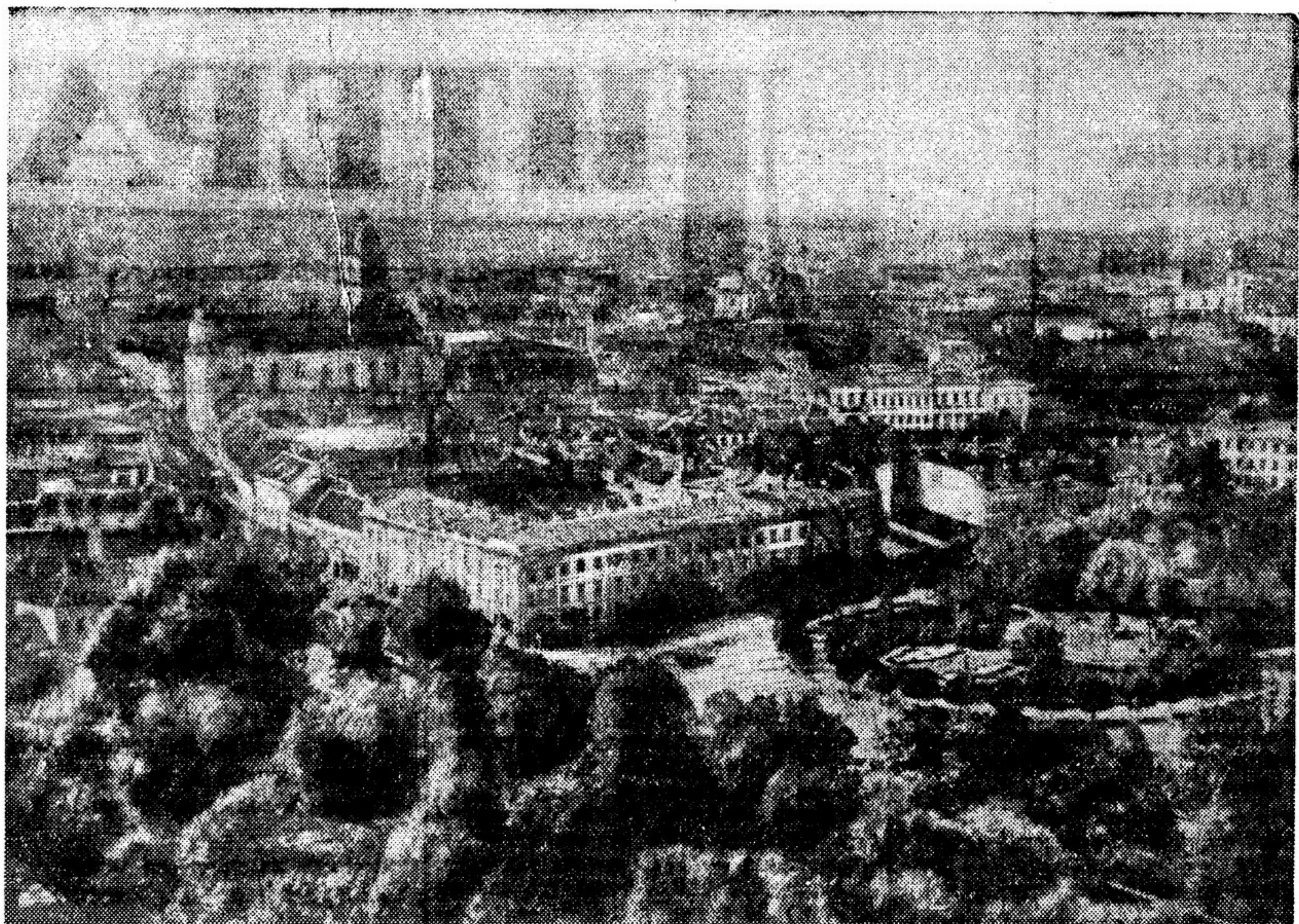
На кресах могли безраздельно властвовать последние из галов, навоявшихши правительственные учреждения польской шляхты. Там шарлатан и афферист Дыма мог не только разговаривать со служащими, точно жандарм со своими шпиками, — там он мог воскрешать вековые традиции высшей польской аристократии, восходящие ко времен римских патрициев: уволить невесту на глазах у ее жениха: «Та, — пишет Мостович, — не осмелилась сопротивляться пашу помещику, а жених по этому случаю нашлся вдребезги».

Такой предстает в изображении польских буржуазных писателей картина кровавого господства польской шляхты над порабощенными ею украинцами и белорусами. Но, быть может, вся утонченная система издевательств и притеснений, примененных в Западной Украине и Западной Белорусии, отчетливее всего выражена в небольшой книге Адольфа Рудинского «Солдаты». Система муштры и палки неистовствовала в польской казарме. Любй поворабел, попадавший в казарму, становился рабом и жертвой поручика, унтера и даже солдата старшего звания. Чтобы кое-как просуществовать, он должен был с самого начала приучить себя к подхалимству, забыть о чувстве собственного достоинства. Очень скоро, рассказывает Рудинский, при появлении офицера солдаты пускались впередонки к нему — каждый хотел почистить ему сапоги.

Однако офицеры и унтера умудрялись придумывать дополнительные издевательства и пытки для украинцев и евреев. Только что пришедших из деревни украинцев заставляли заучивать на зубок фамилии и звания всех начальников, от президента до унтера. Им грозил, что если они не осият эту премудрость, им не разрешат разговаривать между собой по-украински. Их заставляли петь польские песни, которых они не любили и не знали, и запрещали петь свои украинские думки.

Результаты такой системы «воспитания» дали себя знать при первом военном столкновении. Боевого энтузиазма, как известно, после такой «подготовки» не проявили не только украинские и белорусские, но и польские крестьяне...

Польская литература этих мрачных лет расскажет будущим поколениям скорбную и гнетущую повесть о двадцатилетних страданиях многомиллионных трудящихся масс под ярмом последнего поколения польской шляхты, и страницы эти будут звучать в веках суровым обвинением и неумолимым приговором.

Общий вид города Вильно.

Дружба народов

Наш брат-украинец, наш брат-белорус. Проснешься сегодня свободны, ослыны: Нет пашкого ига, нет пашкого гоним! Над вами сияет неба осеннего грусть. Восходит светило счастливой страны, Чье славное имя — Советский Союз.

Однинацать братьев с востока пришли, И руки вам крепко пожали они, И Сталина правду, как счастья родник, В убогие валли селенья внесли. И в ваших глазах засияли огни, И нет уже след, что веками текли.

И там, где наша вой родной свой принит Под сенью ликующих алых знамен, Под кличк братянця народов, племет: «Да сгинет шляхетская Польша!» поют. И, види, что раб от неволи спасен, Мачваты и пашы в тревоге бегут.

Чтоб больше под панской пашою не быть, Чтоб пашу смертельной не слышать вам свист, Вы с нами, как братья, тепло обнялись. Пусть панская свора о прошлом скорбит. Деланную долю, счастливую жизнь И дружбу народов врагам не разбить.

ЗЛЯЯ (Якутский поэт).

«ЗЕМЛЯ В ЯРМЕ»

Виктор ФИНК

«Художественная литература» выпустила книгу польской писательницы Влады Василевской «Земля в ярме».

Эту книгу должен прочитать каждый. Эта книга, написанная года два тому назад, когда еще ничто, казалось, не предвещало нынешних событий, с замечательной наглядностью показывает их закономерность, неумолимую логику истории.

Влада Василевская знакомит нас с жизнью польской деревни. Ее книга была получена в Москве около года тому назад. Роман в те дни не имел того характера животрепещущей актуальности, который ныне придает ему война. Но и тогда нельзя было читать эту книгу без того особого трепета и волнения, какие вызывают только книги, сотканные из страшной правды.

Невозможно резюмировать содержание этого романа, свести его к каркасу сюжету, к отдельным образам, отдельным положениям. Материя, из которой он создан, поражает, захватывает и волнует вне зависимости от литературной формы, найденной автором, от ее качества и недостатков.

Вот четыре деревни: Калины, Бржеги, Грабовина и Мацьков. Крестьянам принадлежат здесь неумолимая земля, которая не кормит. — пески и камни. Лучшее участки принадлежит помещику. Есть река. Но ловить в ней рыбу нельзя: река принадлежит помещику. Есть лес. Но не только рубить его, — грибы и ягоды собирать нельзя: лес принадлежит помещику. Есть дорога, но по дороге ездить нельзя — дорога тоже принадлежит помещику.

Земля — в ярме. Крестьянин обречен на голодное существование, на тяжкую жизнь в невежестве, темноте, вшах, болезнях, горе, злобе и покорности.

Польская деревня предстает в книге Василевской с самых разнообразных сторон; читателя буквально охватывает оторопь от сознания, что такая страшная жизнь развращается не в крепостную эпоху, а в наши дни, и не среди диких племен центральной Африки, а в Европе, в одном из так называемых культурных государств.

Нам, особенно нашему новому, советскому читателю, уже трудно поверить в правдоподобность такой жизни. Но в том и заключается самое страшное в этой книге, что она не вымысел. Чтобы потрясти нас, автору надо было использовать лишь наиболее типичные и массовые явления жизни польской деревни.

Действие романа Василевской происходит в местечке, где была проведена пресловутая парцелляция.

В 1920 году правительство Польши, опасаясь революции, задумало успокоить деревню аграрной «реформой» — парцелляцией. Это была распродажа крестьянам «лишних» помещичьих земель. За этой «реформой» должна была наступить «новая эра» в жизни польской деревни. Так, по крайней мере, было обещано.

Что, однако, дало это своеобразное «раскулачивание» помещика? Реформу проводили сами же помещики. Они действовали в лице чиновников своего помещичьего государства. В результате крестьянам пошли только земли неудобные, истощенные, ничто больше не дававшие даже помещику, несмотря на то, что для обработки таких земель у него имеются усовершенствованные орудия.

«Из этой земли, — пишет Василевская, — уже выколотили все, что она могла дать. Издавна было известно, что она пойдет на парцелляцию. Но окупался уже никакой вклад в нее. Из года в год приносила она все более скудный урожай, но это было неважно. Ее засеивали и собирали с нее до той поры, пока могла еще расти что-нибудь. Наконец, исчерпанная, истощенная, многие голы не удерживая, земля эта рассыпалась в песок, порожаящая бесплодие. Тогда пришла парцелляция». Но и эту бесплодную землю продавали

крестьянам по спекулятивной цене. Банк давал расщотку на сорок лет, но расщотка была лишь примажкой: она помогала завлечь крестьянина в кабалу.

«Мужики воевали с песком бесполодие, безнадежно. Уходили силы, жизнь, кровь в бесплодный песок, а он неизменно оставался бесплодным».

Тогда «пошли саухи, что банк отберет землю, так как новоселы не только не платят взносов, но не могут выпутаться даже из ульцты процетов».

Права помещиков охраняют полиция, армия, церковь, рабование предателей, темнота и неграмотность самих крестьян. Право собственности обращлось в право на издевательство, в право на безнаказанный произвол. Крестьянского парня, кунавшего в помещичью ретку, лесники убивают камнями, и власти пользуются на их защиту. Жепцигу, пойманную в помещичьем лесу, убивают безнаказанно.

Горе парит на этой бедной польской земле. Она напоела мужицким страданием.

Но Василевская показывает не только крестьян: мы видим и самого помещика, графа Острженского, и его семью.

Что же граф, хоть он-то наслаждается жизнью? Ему-то его богатство и власть дают хотя бы личное счастье? Нет. Василевская очень умно показывает, что власть Острженского — пережиток, который противится сама природа. Граф живет в своем замке мрачной, злобой и одинокий, как волк. Семья распалась: она дочь бежала из дому, другая — аурочка. Было двое сыновей. Один дал себя убить на дуэли из-за какой-то девчонки, другой покончил с собой. Жена, загнанная, залуговая и заплаканная, боится входить

в его комнаты. Единственное занятие графа — борьба с крестьянами. Жизнь этого старого человека отравлена: он несчастен, потому что ему все кажется, что его крестьяне недостаточно несчастны.

«Острженский чувствовал, что волна ненависти нарастает вокруг него, выдмается все выше. Но это еще сильней позораивало его к враждебным действиям. Уже не только для того, чтобы собирать, накалывать землю, как бывало раньше, но чтобы показать этим хамам, что он, граф Острженский, могущественней всех! Чтобы напомнить мужикам, что их еще не так давно пороки плетями на задах острженского двора. Чтобы показать, что он здесь властелин и плевать хотел на все».

В книге Василевской показаны лишь стехийные велички крестьянского гнева. Но борьба угнетенного польского крестьянства уже не раз принимала характер массовых революционных выступлений. Не далее, как в 1937 году, миллионы польских крестьян провели десятидневную забастовку. В 1938 году крестьянские колонны участвовали в майдсах мандфестаций в целом ряде польских городов. Никакие ухищрения помещиков не могли помешать росту классовой сознательности, развитию революционных настроений и сближению польского крестьянства с рабочим классом.

Иначе и быть не могло: слишком много горя накопилось в польской деревне. В Польше 16 тысяч помещиков владели таким же количеством земли, как 4 миллиона крестьян. Распина только в земледелии, а в остальном — в промышленности и торговле. Крестьяне имели едва пять-шесть процентов. Что же касается государственной власти, то она целиком принадлежала богатым классам. На крестьянство лежали только повинности, обязанности и налоги.

Как же, в самом деле, могли мириться с этим миллионы польских крестьян и рабочих? Как можно было думать, что они будут мириться с этим после того, как в мире прозвучало уже слово «крестьянская правда», когда есть на свете хотя бы одно государство, где рабочие и крестьяне доказали на деле, что мечты человечества о свободном труде осуществимы и осуществлены?

Понятно, за что польская деревня воюет с Острженскими. Деревня знает, чего хочет.

Но что же графы Острженские? Только слепота обреченных могла позволить им думать, что в наше время и в непосредственном соседстве с Советским Союзом можно править миллионами крестьян так, как правили их предки и крепостные времена. Только слепота обреченных могла заставить их бросить в огонь войны многомиллионные миллионы трудящихся, у которых они отнимали плоды их трудов, свет солнца и радость жизни.

Двадцать лет кичилась панская Польша своей силой, пыжлась и петужилась. И вот в несколько дней разгромлена армия. В минуту испытаний и ее горлачиватой сразу слетели накланные музыкалы и наведенный румянец. Они метались по стране из города в город, как трупа прогоревших пиркачей. Их государство развалилось. Они спасали только себя, своих жен и своих сбережения.

Волчий урок! Панская Польша сошла с исторической арены навеки. Великая социалистическая страна протянула руку помощи братским народам Западной Украины и Западной Белорусии. Советский Союз делает все невозможное для того, чтобы выволотил польский народ из злополучной войны, куда он был ввергнут его неразумными руководителями, и дать ему возможность занять мирной жизнью.

Л. ПЕРВОМАЙСКИЙ ВИЗВОЛЬНА ПІСНЯ

Палае загравом край небозову, півноднись сонце злате і прапор червоный нового походу над нами у небі пвіте.

Народи, вперед! урочисто й громово лунае наш клич над світи, і чучий сталінське буряне слово еднаняться волюні брати!

Міа братню тобі простягаемо руку, вникаючи катований край! На кривулю, неволю, наругу і мукку — на панство, на шляхту вставай!

Народи, вперед! урочисто й громово лунае наш клич над світи, і чучий сталінське буряне слово еднаняться волюні брати!

Упали неправі, трухляві кордоны. Окирляса зоряна путь. Червоной Армії грізні загони братам нашим волю несуть!

Народи, вперед! урочисто й громово лунае наш клич над світи, і чучий сталінське буряне слово еднаняться волюні брати!

Як сонце багряне в ясній винокелі як сонце оде злато, — хай славиться праця, хай славиться воля, хай сталінська правда цвіте!

Народи, вперед! урочисто й громово лунае наш клич над світи, і чучий сталінське буряне слово еднаняться волюні брати! БРЕВАН. (По телеграфу).

СВЯТАЯ НЕНАВИСТЬ

Западные украинцы, с восторгом и любованием встретившие своих освободителей — доблестных бойцов Красной Армии, рассказывали им, что в панской Польше Шевченко был заперт в тюрьму. Известно, что во время преследований «патриотической» Западной Украине паны подвергали особенно жестоким издевательствам тех крестьян, у которых находили произведения Шевченко.

не уже находились в руках крестьянских отрядов. От них в панике бежали польские войска. Магнаты — крупнейшие помещики, правящие Польшей, постоянно враждовали между собой, королевская власть была слаба. И только с помощью войск генерала Кречетникова (того самого, который спустя шесть лет действовал против армии Пугачева) паны подавили восстание.

Всю силу ненависти украинского народа к своему извечному врагу — польской шляхте выразил великий поэт устами Яремы Гайдамы — одного из героев «Гайдамаков»:

Чом я не сторукий?
Дайте пожа, дайте силу!
Муки ляхам, муки!
Муки страшно, шоб пекло
Тряслося та мило!

Поэма «Гайдамаки» посвящена восстанию украинских крестьян, находившихся под властью панской Польши, в 1768 году. Это не только высокохудожественное произведение большой силы, большой страсти. Это — в поэтической форме исторический документ. Шевченко описал события и героев той эпохи так, как они сохранились в народной памяти.

В начале прошлого столетия у проезжих дорог и на первопричных папертах можно было видеть стариков, странным образом изувеченных: у них не было левой руки и правой ноги, или правой руки и левой ноги.

Народ охотно подавал им милостыню, но на распросы любопытных отвечал: — Не спрашивайте, это люди бывалые. Были это крестьяне, изувеченные озверевшей шляхтой после восстания 1768 года. Возможно, что и Шевченко видел таких стариков. Но о Копле он безусловно слышал и поговору «что б тебя святая Копля не минула» знал наверняка.

До наших дней дошли любопытные документы той эпохи. Оба они связаны с Коплей — местечком близ Житомира, получившим такую печальную известность, и оба с предельной выразительностью объясняют ту неугасимую ненависть к панам, которая звучит в словах Яремы Гайдамы.

Не раз поднимался свободолюбивый украинский народ против польской шляхты. Грозным для панов было восстание 1768 года. Его пламенем были охвачены поместья Потоцких, Любомирских, Брагинских и других магнатов, давних врагов украинского народа.

Задвонили в усі дзвони
По всі Україні;
Закричали гайдамаки:
— Гіле шляхта, гіле!

Зайнялася Смілянщина,
Хиара червоная,
А найперша Медведівка
Небо нагрівала.

Горить Корсунь, горить Канів,
Цигини, Черкас

(«Гайдамаки».)

Восстание припомнили панам все. И захват крестьянских земель, и панщину, и чинши, и арены, и многие другие поборы, и зверские истязания, и чудовищные религиозные преследования, национальный гнет и унижения. Страшен был гнев народных. В июне 1768 года крестьянские отряды взяли Умань. По тем временам это была хорошо защищенная крепость, крупный торговый центр, центральная шляхты, захватившей эксплуатировавшей исконные украинские земли. Окрестные паны думали найти спасение в стенах Умани, по городские казаки-украинцы отказались защищать панов. Во главе с сотником Гонткой уманские казаки перешли на сторону восставших, которыми предводительствовал Максим Железняк.

Восстание разгорелось все больше и больше. Все польские владения на Украин-

«Умирение» украинских крестьян польский король Станислав-Август поручил своему любимцу Стемковскому. Сенатор, коронный полевой обозный, главный регистратор (командующий) войск, действовавших на Украине, он получил от короля «право меча», то есть неограниченное право казнить и милловать.

И вот с каким универсалом обратился этот ярчайший представитель польской шляхты к украинскому народу:

«Бог, творец мира, разделив людей по состоянию от царя и до последнего человека, всякому назначил свое место, а вам, холопы, он повелел быть рабами и вследствие этого он не дал вам ничего равного с другими, кроме души.

Всякий, кто верует в бога, должен покорно исполнять его святую волю; к тому же вы должны еще и то помнить, что для нас написаны законы, и если вы сами не в состоянии понять этих законов, так вы должны брать пример с своих делов, которые родились, жили и умерли, работая на своих панов, а умрив, заведяши и вам делать то же самое. Вы должны с молоком матери воспитать в себя верность и вечную покорность панам».

Нельзя полное и лучше изложить «идеологию» панства, чем это сделал регистратор Стемковский. Много лет прошло с тех пор, но звериная сущность насилий, угнетателей нисколько не изменилась, и «патриотическая» на Западной Украине мало чем отличалась от «умиренной» эпохи 1768 года.

Универсал пана Стемковского связан с Коплей потому, что никто иной, как автор этого примечательного документа, руководил коденскими пытками и казнями.

Когда восстание было подавлено, началось расправа. Паны мстили за понесенные убытки, за позор, когда от плохих вооруженных «холопов» бежали без оглядки бегущие шляхетские отряды. Кровь лилась ручьями по Украине. Людей сажали на кол, отрубали им руки и ноги «на-крест» — правую руку с левой ногой и наоборот, или обмотав руки паклей, зажимали ее. Таким способом, между прочим, панами наказуе восстания 1768 года был замучен церковный ктитор в Млыне, смерть которого описана Т. Г. Шевченко в «Гайдамаках».

В одном только местечке Моностырице, по народному преданию, польские «усмирители» казнили 900 человек. Людям рубили головы над огромной ямой, куда сбрасывали и тела казненных. Старики рассказывали, что когда эти ямы засыпали, то кровь сквозя землю была фонтаном.

По особенной жестокости и садизму отличалась панская комиссия, «судившая» в м. Копле. Два года спустя после подавления восстания сюда еще тапчили и тапчили крестьян. Паны никак не могли досыта ухнуть «холопской» кровью. Тогда-то и сложилась поговорка «что б тебя святая Копля не минула»...

...Много сынов украинского народа полегало в борьбе с польской шляхтой и другими врагами. Но кровь их не прошла даром. С братской помощью великого русского народа, под водительством партии Ленина—Сталина, трудящиеся Украины освободили свою родину от всех насильников и эксплуататоров, превратили ее в вступившую социалистическую республику Советского Союза. А теперь сбылись мечты и западных украинцев и западных белорусов: «теплое солнце, которое восходит с той стороны, где жить хорошо» (по образному выражению одного крестьянина из западноукраинского села), светит теперь и над ними.

Писатели В. Луговской, Е. Долгановский и А. Исбах в городе Вильно у здания временного управления. Фото специального корреспондента газеты «Правда» В. Темина.

Советские писатели в Западной Украине и Западной Белоруссии

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). В президиум ленинградского союза писателей непрерывно поступают заявления поэтов, прозаиков, драматургов с просьбой направить их в Западную Украину и Западную Белоруссию для обслуживания красноармейских частей и населения, освобожденного от гнета польских панов.

Вместе с бригадами работников искусств, созданными в Ленинграде, выезжают писатели А. Прокофьев, Ю. Герман, А. Гитович, П. Капица, Л. Каравин, В. Беляев, А. Флит, И. Зельдер, М. Чумачинири. Президиум ЛенССП решил выпустить специальный номер журнала «Резец», посвященный освобождению угнетенного населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

ЮРИЙ ЯНОВСКИЙ

НАШ ДОЛГ

Мало кто помнит, что в 1919 году образованная Польша получила Западную Украину от держав-победительниц (Англия, Франция), так сказать, во «временное пользование» на 25 лет.

Прошло двадцать лет. В первом же серьезном испытании панская Польша раскололась. Шляхетский гоним оказался без всякого солидного фундамента. Недаром украинская пословица говорит: «Де пан взутий, а слід — босий».

Благодарен шаг советского правительства. Как рыцарь, представляющий повое человечество, как посланец мира и социализма, идет наша гордость и любовь — Красная Армия. Идет из сияющей страны сталинской эпохи в мрачную тьму средневековья, идет на выручку единоборным братьям. Железный шаг истории!

Народ Западной Украины становится советским. Снова звучит родная речь. Выходит из подполья произведение писателя Западной Украины. Великий писатель Иван Франко снова говорит могучим голосом со страниц своих книг. (Первый венок во Львове — от советской украинской литературы — должен быть возложен на его могилу!)

Один день польского солдата

МЫ ПЕЧАТАЕМ С СОКРАЩЕНИЯМИ ОЧЕРК ПОЛЬСКОГО ПИСАТЕЛЯ З. УНИЛОВСКОГО О ПОЛЬСКОЙ АРМИИ, ГДЕ ОН СЛУЖИЛ РЯДОВЫМ. ОЧЕРК БЫЛ НАПЕЧАТАН В ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЕ «ВЯДОМОСТИ ЛИТЕРАКЕ».

Я уже третий день в казарме... Не успел надеть мундир или, вернее, гимнастерку. — пока еще не знаю, как это называется, — как услышал за собой стук каблучков, — это капрал Шрамко стал «смирно» и говорит:

— Затяните ремень. Что? Где ремень? Спрячьте его куда-нибудь и идите к лошади без ремня, слышите! Хитрая у вас физиономия. Но пожмите! Я вас...

Я надел уже ремень и думаю, куда бы его спрятать. Очень воротит ремень. Опояшусь под мундиром, или гимнастеркой, или как его... Ну, ладно! Прежде чем пойти к лошади, вычистю зубы у колодца, а их не чистил с тех пор, как нахожусь здесь. беру из судука зубную пастку и порошок и выхожу из отсутствия моего барака. Солнце уже взошло. Во дворе пусто, воздух сухой и морозный, ветрено. Обхожу барак: колодец находится с той стороны. Вдруг слышу за собой пренебрежительный голос:

— Эй, ты, стой!

Бегу, но слышу вторично тот же окрик, только с намеком на чью-то мамашу. Оглядевшись и издали узнаю сухую фигуру капитана Гульки, которого мне вчера обрисовали как чудовище. Он стоит неподвижно, похаживая на голытьку посты, вонзая в землю, весь залитый солнечным пушуром.

— Эй, ты, котенок, о тебе речь идет, а не о солнце. Разве не видишь, что кругом ни одной живой души? Ну, живо ко мне!

Он стоял, загнув руки назад, в шинели из жесткого сукна и сапогах с мягкими, в складку, голенищами.

— Слушайте, я видел, как вы шли. Солдат так не ходит, так ходит последняя проститутка в дождливый, неудачный вечер.

Капитан Гулька говорил тихо и спокойно, стоял неподвижно и выглядел неприветливо.

— Простите, в левой руке у меня порошок, а в правой зубная щетка. Я несколько дней не чистил зубы; я не привык к этому. Я шел к колоду, намереваясь почистить зубы.

— Это невероятно! Таскаетесь по лагерю, плюетесь на солнце и хотите заниматься гигиеной. Слушайте, из каких вы мест?

— Я родился и постоянно живу в Варшаве.

— Значит, мешанин, недотеп и интеллигент? А я родом из Познани и поэтому хорший солдат; вам же, избалованному столичному жителю, никогда таким не быть. Знаете ли вы, что во время войны я во сто раз больше стою, нежели теперь? Можете идти. Ступайте к капитулу Солнечку и скажите ему, что я вам приказал подмести этой зубной щеткой конюшню. Ну, живо!

Я повернулся и быстро пошел по направлению к колоду... Повернув ручку насоса, набрал воды в рот и несколько посмотрел в сторону капитана Гульки. Я увидел его узкие плечи. Он стоял, расставив ноги и, наклонившись, раскапывался корпусом во все стороны. Мне показалось, что капитан Гулька рвет. Внезапно он отчаянно закричал головой, словно вдруг ослеп. Потом крикнул в мою сторону:

— Ну, да, не поджигайте сомнений, обделался я! Целая ночь... Ну и что? Ха, идите! Если бы ты видел! Если бы так... Прочь ударай, не то замараш!

Я выплюнул воду, стукнул щетку за голенище и побежал на конюшню.

Я задержался между двумя рядами конских задов. В этот момент меня увидел капрал Солнечек. Он подбежал ко мне:

— Куда же вы делись, чорт вас возьми? Возьмите метлу и подметайте. Сбегай-

те в конюшню рядом и одолжите вазонное ведро. Бегом!

— Но, господин капрал, капитан Гулька приказал мне подмести конюшню зубной щеткой. Щетка эта при мне.

— Дуйте за ведром, или я вас уколочу на месте, скотина!

Я вышел из темной, душной конюшни на морозный воздух. Все, что я ни делаю, поражало меня своей бессмысленностью.

Я принялся орудовать лопатой, в ушах свербило в ожидании бранных слов...

На плагу было пусто, лишь изредка мимо прогребал маленький сопунный солдат. Склонившись над работой, я то склико размывал о своем положении. С тех пор, как я попал в полк, мне не перестают говорить о моем скотстве, инстинкте, хамства или лекомысленном поведении моей матери.

...Капрал Борек явно любил скандалы, которые его непосредственно не затрагивали. Уже по пути на кухню он несколько раз крикнул нам, что мы идиам, как стало баранов. Перел кухни приказал стать в очередь, а сам вместе с капитаном Саником вошел в помешение. Поворачиваясь стали толкать друг друга, кто-то шлепнул кого-то котелком по голове, все было заметно возбуждено.

Я смотрел на поворачивавших из других батарей: они бежали во дворе, стоя на шиях на куцах бревен.

Мы медленно подвигались к кухне. Внезапно откуда огромными шагами выбежал капрал Борек, без шапки, испуганный. След ему пошел котелок, и сипня капрала оказалась облитой картофельным супом. Капрал Борек с разбега растинулся во всю длину; из кухни выскочил капитан Саник, сел верхом на Борка и принялся душить его лопатой по голове.

...Армейские повара — веселые ребята, с большим чувством юмора. У этих быков в белых передниках есть свои излюбленные шуточки.

Повликому, они всегда спешат, потому что наивают горячий суп так, чтобы потекло на пальцы. Капу швыряют так, что забрызгивают вам все лицо. Я подошел к повару со страхом, прищурил глаза и вытянул руки. Плонул суп, бац — каша. Готово, могу идти в какой-нибудь угол и пожать все, как собака, лишь бы потом не забыть вычистить пятна на мундире.

... Ну, теперь, наверное, пойдем к пушкам. Наконец-то настоящая солдатская работа.

Капрал Шрамко, услышав последние мои слова, сказал:

— Какие там пушки, у меня для вас полтуше работа. Где Борек? Ах... э... Капрал Шрамко сказал настолько отборное словечко, что мне стало не по себе. Затем он обратился ко мне:

— Найдите капрала Борка и напоми-те ему о себе. Живе, ну!

...Я злился, увидев капрала Борка. Он одного стоял на плагу.

Я помахал рукой, и он побежал мне навстречу. Я перешел приказание.

— А у вас есть лопата или метла? Нет.

— Ну, так постарайтесь раздобыть. Дуйте на конюшню.

...В конюшне я поставил метлу и лопату в угол и стал отхлывать снег. Что за глупость! Нужно мне тут полтора года маршировать на бессмысленных и отвратительных занятиях! Каждый старается сделать тебя идиотом, вместо того, чтобы научить чему-нибудь.

Без запущенных снегом, я вбежал в свой барак. Отвратительно воняло всеми испарениями человеческой грязи. Новобранцы обились в кучи между койками, перелезая друг через друга, как тараканы. У потолка был повешен ряд желтых ламп, излучавших слабый желтый свет, и в этом полумраке люди, казалось, приобретали обреченный вид...

П. КОРНИЕНКО

КОНЕЦ МНОГОВЕКОВОЙ ТРАГЕДИИ

«Все славяне были между собою равны, однако же разделялись на ляхов, мужиков и владык. Ляхи, получившие свое название от слова «лах», — что означает пахотное поле, — были самыми богатыми, имеющими наибольшее значение. Ни же их были владыки и мужики. Позднее от ляхов произошла шляхта». Таким образом откровением подарил мир анонимный автор изданной в 1879 г. во Львове «Истории Польши, Литвы и Руси». Польские паны устами своих «историков» усердно доказывали, что никакие украинцев и белорусов, в сущности, нет, а существует единое польское племя. «Еще во времена исторические, прежде Юрияка, на всем протяжении от Кракова до Черного моря была Польша, дарил ее язык, ее дух и нравы». (Прислословие к историческому «труд», изданному в 1861 г.)

Так пытались «научно» оправдать польские помещики свое многовековое господство над доведенными до рабского состояния украинцами и белорусами.

На протяжении многих сотен лет стоял под их игом земля украинско-белорусские, некогда независимые, богатые, цветущие. Косла в XII веке наметился хозяйственный и политический упадок шевской Руси, галицко-волынской княжества объяснены были выходящими по своему времени правителям Даниилом Романовичем. И настольно велики были его значение и сила в тогашней Европе, что в 1255 г. принял он титул короля Галицкой и Руси. Белорусские княжества, Туров-пинское, Мниское, Витебское и другие также переживали подъем до тех пор, пока на Русь с Востока не обрушилось татаро-монгольское нашествие.

Грубью своей русские земли защитили Европу от степных орд чингизов и заплатили за этот подвиг спасения европейской цивилизации мучительные переломные моменты ита. От татар и монголов меньше, чем Киев, пострадали земли бело-

русские, галицкие, волыньские. Но они не устояли против западных своих соседей-врагов. Литва и Польша с первых десятилетий XIV века начали захват этих земель, и в середине столетия княжества белорусские, волынь, Подолля оказались в руках Литвы, а галицкие земли попали под польское иго. Люблинская уния 1569 г., завершившая полное объединение Литвы с Польшей, отдала в руки польских панов и Белорусию, а также Волынь и другие украинские земли.

Польская шляхта хлынула жалозной толпой в галицкие земли, как только стали они подвластны польской короне. Польское правительство в 1433 г. дало палам знаменитую Ельнискую привилегию. Все крестьянские земли переданы были в собственность польских помещиков, политические права предоставляли были только католической, т. е. польской шляхте. Началось систематическое и упорное преследование украинской и русской культуры.

Политика ополчиывания широко захватывала и города. Во Львове, старейшем, претуптом торговле-ремесленном, культурном центре, исконное население отнесено было в своеобразное украинское гетто. Вне пределов русской улицы запрещалось селиться не-католикам, т. е. не-полякам. Они не могли отдавать детей своих в школы, вступать в брак, заниматься торговлей и ремеслами.

На притеснения население Западной Украины, или, как она тогда называлась, — «Червоной Руси», отвечало вооружением и в селах и в городах. Польский летописец Драугач уже в конце XV века упоминал казаков, которые налетают из степей на галицкие замки и фольварки. То были сыны вольного украинского народа, уклявшие в ответ на панского гнета, мстившие за страдания своего народа...

В XVI веке украинский народ переживает свое культурное возрождение. Запад-

ная Украина и Волынь покрывает сетью братств во главе с наиболее обширными — Львовским и Луцким. Братства заводят типографии, открывают школы, переводят на украинский язык Библию и другие книги.

Польские паны и католическое духовенство не могли примириться с национальным возрождением угнетаемого ими народа. Известный деятель иезуитской реакции Петр Скарга издательски писал о стремлении украинского народа возродить свою культуру. «На этом языке иет ни грамматик, ни риторики. Да и быть не может». Иезуит был быстро и жестоко послан. Появились грамматика Зизания, Милетия Стрицкого, возникли высшие школы, не уступавшие иезуитско-католическим, во Львове, в Луцке, в Остроге. На всю Червоную Русь, Волынь, Подолля, на всю Украину прозвучали с Атона пламенные призывы украинца-монаха Новака Вишневского. Он обращался к тем, которые «из одной мясочки борщ хлебает, простой свитой покрываются и сами себе паны и слуги суть», он призвал их стоять за свою веру, за свой язык, за свои права. И обращался к угнетателям, к польским панам: «Пытаю тебе, чем ты дешевле от хлопа? Албо ты не тае же материя, глина и персть, овайми ми; албо ты не тое тело и кровь или ачей ты от камня утесан?»

Могучая крестьяно-казацкая революция, охватившая Украину, нашла отклик и в западных украинские землях. Богдан Хмельницкий велел план перебраться в селах и в городах. Польский летописец Драугач уже в конце XV века упоминал казаков, которые налетают из степей на галицкие замки и фольварки. То были сыны вольного украинского народа, уклявшие в ответ на панского гнета, мстившие за страдания своего народа...

В XVI веке украинский народ переживает свое культурное возрождение. Запад-

зовалось этими своими подданными для защиты границ в опасные минуты турецких и татарских нашествий, а затем плахи украинскому народу еще большими преследованиями, еще большим усилением крепостного гнета. На сейме в 1620 г. депутат от Западной Волыни Лаврентий Дривинский воскликнул: «Когда войну с Турцией вы вели, у кого взяли вы большую часть своих войск? У нас, у народа, который если не получит теперь удовлетворения за все свои страдания, не станет больше своей грудью защищать ваше государство!»

Угнетенный и бесправный оставался народ Западной Украины и Волыни до самого конца польского владычества. Но и под властью австрийской (с 1772 г.) не было ему лучше, потому что остались земли его в руках тех же польских панов-крепостников. А кровные права его и интересы, его национальная культура стали предметом торга между всяким правительством и польской аристократией. В 1817 г. официально запрещено было пользоваться в народных школах языком украинским, как языком хлопским, университетным для представителей высших классов.

Революция 1830 года разбудила в народе Западной Украины стремление к национальному возрождению. Больные заслуги принадлежат поэту, ученому и публицисту Маршану Шашкевичу, который ощутил кровное единство всего украинского народа, обратил взоры свои на восток, на Украину; он начал собирать народные песни, старинные предания и сказания, ивел новую орфографию, близкую к живому народному языку, в 1837 г. выпустил первую в Западной Украине украинскую книгу «Днестровская русалка» — сборник этнографических материалов, народных песен, статей.

Еще большее оживление началось на Западной Украине под влиянием революции 1848 г. Но с этого же времени начинается и позорная игра австрийского правительства с польскими помещиками и представителями молодой, нарождающейся западноукраинской буржуазией, игра, имевшая своей целью опустить, исказить, превратить могущее явление украинского народа к освобождению. Австрийское правительство, с одной стороны, возбуждало украинцев против поляков, а с другой стороны, заключает соглашение с поля-

ками, отдавая им с головой украинцев (соглашения 1861—66 гг.).

По приращению украинского народа запло настольно далеко, что не оставившее его было пытками и ипртимами и предательствами. В Западную Украину проникло могучее влияние великого украинского поэта и революционера Шевченко. Народ создал и выдвинул своего талантливого представителя самых заветных дум и стремлений, писателя, историка, публициста Ивана Франко. Вторая половина XIX века и начало XX, до мировой войны, заполнены на Западной Украине борьбой, которую крестьянство, молотой, но быстро растущий пролетариат, революционно-демократическая интеллигенция ведут и против польского помещичьего гнета, и против предательства своей национальной буржуазии. Так называемая партия «народовцев» в 1889 г. заключила «угоду» с поляками, и в галицком сейме депутат Романчук громко заявил, что украинцы хотят дружно жить и работать со своими польскими соплеменниками. Украинский хлоп — и польский магнат-помещик... Но украинский буржуа надел обильный язык с польским паном — в совместном угнетении украинского народа. И под эгидой этого блока предательской буржуазии с польскими помещиками прошли в 1897 г. в общепольском парламенте те полдесятька депутатов-украинцев, которые свои места купили ценою крови украинских рабочих и крестьян: заместитель Галиции поляк граф Бадени подверг расстрелам, порке, арестам сотни тысяч рабочих и крестьян.

Эта политика предательского соглашения с злейшими врагами украинского народа продолжалась вплоть до самой войны и на всем протяжении первой империалистической войны. А после разгрома Австро-Венгерской монархии представители всех буржуазных и мелкобуржуазных партий провозгласили так называемую Западно-Украинскую народную республику. Но они и теперь не хотели сражаться против шляхетской Польши.

На прямое предложение Советской Республики создать единый фронт против наступающих белопанских войск господа националисты ЗУНР ответили согласием с Петлюрой, а когда Петлюра был разбит, они кинулись в объятия Антанты. Когда же Антанта, пообещав им все, за их спиною договорилась с Польшей о передаче ей

Западной Украины, изменники и предатели во главе с диктатором Петрушевичем и с немощными остатками своих воинских частей перешли в сентябре 1919 года на сторону Деникина.

Так бесовски закончилась предательства и преступления буржуазно-националистических врагов народов Западной Украины.

Двадцать лет стояла Западная Украина под новым польско-панским игом, еще более беспощадным и страшным, чем на протяжении предыдущих столетий, ибо теперь белопанская власть могла еще легче расправляться с народом.

Уродливое порождение грабительского Версальского мира — панская Польша устами своего организатора и вождя Пилсудского кичливо хвасталась: «Мы остаемся бедолаями, поскольку наш ореол является бедным, имеет одну натуральную голову и достаточно острые когти для того, чтобы пожевать уродов и защищать свое гнездо».

Когти и клыки белопанский орел воняли в тело украинского и белорусского народов, терзал и мучил их два десятилетия. И тот же Пилсудский на страницах той же книги, откуда мы приводим эти хвастливые слова, признавался, что панька молниеносно распространилась по польским тылам в 1920 году, когда конница Буденного и славная пехота Красной Армии лавиною двинулась на запад. Уже тогда, — говорит Пилсудский, — обозначился грозный внутренний фронт.

Этот грозный внутренний фронт не переставал существовать все 20 лет. Панская Польша рассыпалась, как карточный домик, при первом же ударе. Тяжкие обочны, наложенные на народы белорусский, украинский, польский, еврейский, ныне разбиты. Многовековая трагедия Западной Украины и Западной Белоруссии окончилась.

С неопускуемым восторгом встречают наши братья на Западной Украине и Западной Белоруссии свою избавительницу, великую Красную Армию. Народы Советского Союза протянули им руку помощи, и счастливая, свободная, радостная жизнь навеки воплотится там, где в течение столетий народ страдал от гнета и бесправия.

ПИСЬМО СТРОИТЕЛЕЙ БОЛЬШОГО ФЕРГАНСКОГО КАНАЛА ИОСИФУ ВИССАРИОНОВИЧУ СТАЛИНУ

Привет, великий вождь, наш письменный привет,
Сыновний, пламенный наш, искренний привет.
Глава счастливых всех народов, наш отец,
Ты солнце мудрости, ты — радости венец.
Жить на земле, творить, быть человеком — честь.
В тебе — все лучшее, что в человеке есть.
Радчайший на земле, ярчайший наш алмаз,
Мир изумляешь ты и украшаешь нас.
Свободы сладкий хлеб вкушая, сыты им,
Мы за него тебя, отец, благодарим.
Ты ласково глядишь на нас в любом лому,
Младенцы тянутся к портрету твоему.
С Востока на Закат и с Севера на Юг
Тобой вдохновлен и труд наш и досуг.
На гордость время право нам дает,
Твоя эпоха славу нам дает.
Чтоб знойный край наш был воюем сыт,
Канал Ферганский нами здесь прорыт.
Тебе в письме поведаем о нем, —
С легенды древней мы письмо начнем...
Из желтой зыбля сыр-дарьинских вод
Всегда черпал предания народ.
Что ни предание — жгучей жажды крик!
Воде! Воде! Река, ручей, родник!
Как Сыр-Дарья течет, змеясь, в песках,
Крик о воде не умолкал в веках.
Теперь, как месяц молодой, чиста,
В сказанных светит преледах мечта...
Текла когда-то, говорят, река —
И глубока была, и широка,
Текла, но, по преданьям стариков,
Своих не орошала берегов.
Да, чудеса бывали в старину!
Голодной Степью авали ту страну.
Полоскивала на реке волна,
Полоскивала кольцами луна,
Не утоляя жажды той земли,
Без пользы воды Сыр-Дарья текли,
А люди, что могли бы жить в раю,
Веками голодали в том краю.
Драконом черным в темноте ночей,
Днем — отливала золотом ручей,
Отрулилась, извивалась, как змея,
Река, что называлась Сыр-Дарья.
Она текла игрива и вольна,
Вся ровными тайнами полна,
Не глядя, как изжарилась земля,
И стоном человека не внемля.
К чему реки безжалостно русло
Всю степь мечом текучим рассекло,
А впаду мимо лишь несла река?
За что творила столько зла река?
В безумной жажде Мирзачуль сгорал,
А Сыр-Дарья несла дары в Арал...
Когда гнетет нужда или беда,
Ведь в человеку таятся тогда,
Не человек творит ли чудеса?
Он назовет опускает небеса,
Он воду делает вином, — она
Оплачет травы допыля.
И дикие стихии признают:
Веселием человека мудрый труд.
И к людям обращался Мирзачуль:
«Опасенья от людей не получу ль?»
О, человек! Мне впаду полари,
Вопио меня и ошолотвори!»
А жди тогда великий наш народ
У беспомощных сыр-дарьинских вод.
И девушка была у нас — Ширин,
Всех добродетелей алмаз — Ширин.
Глаза — как звезды, и повуча речь,
Плавной и струям Сыр-Дарья не течь.
Как ветка тобылги стройна, гибка,
И вся была по имени сладка.
Душой готовы жертвовать своей,
Метались все джигиты лишь о ней.
Сон потерял один индийский князь,
Китайский принц покинул трон, влюбясь.
Кто на лету мог пострелять Анку,
Кто мог взлупать Тулпара на скаку,
Кто мог с дороги горный край
Свернуть, загорюлить потокам буйным путь,
Навек ума лишились от Ширин,
Улыбки не добились от Ширин.
К Шириня для святотества из дальних стран
За караваном ходит караван.

Пришедшим на верблюдах к ней — отказ,
Одевшим в золото коней — отказ.
На боевых слонах пришедшим — стыд, —
К ним птица счастья не благоволит...
Ширин — народа преданная дочь,
Ширин мечтает родине помочь.
Шумит все так же Сыр-Дарья в почках,
Все захлест край, как оп столетия чух.
Все мучаются люди стар и млад, —
И отгадет себя Ширин в заклак:
За право на любовь ее — одно
Всем жещихам условие дано.
Мечта народа в нем заключена,
Мечта столетий. Счастья ключ она.
«Условно, — Ширин им говорит, —
Чтоб в Мирзачуле был канал прорыт:
Пусть Сыр-Дарья тут прорыт не течет,
Пусть вековой оплатит Чулю счет.
Волнистая, как волосы мои,
Путь в Мирзачуль несет дары свои.
Как в ясных зеркалах моих очей,
Пусть небеса себя увидят в ней.
Чтоб стройные, как я, тут поднялись,
Пронзал небо, тополь, кипарис.
Пусть, как румянец щек моих, горят
Пустыни персик, пламенный гранат.
Чтоб каждый плод на глаз и вкус был
Лоб, как сладкий мед моих кораллов-губ.
Чтоб полнословно рис жемчужный спел,
Чтоб был всегда, как зубы мои, бел.
Чтоб хлопок зеленел в полях буйней,
Чтоб стал потом моей груди белей.
Чтоб степь могла, как я, прекрасной
Стать, Хочу отныне Сыр-Дарью внуздать.
Клеймо нужды с народа моего
Должна я снять. Условье таково!»
Мир был таким условием потрясен,
Спешат красавцы к ней со всех сторон.
Отцовский трон покинув, говорят,
Явился к ней китайский принц Фархад.
Под стягом льва и сам, как лев, суров,
Пришел к Ширин иранский шах Хосров.
И тысячи на зов ее спешат,
Все выполнить условие спешат:
Ристалище труда шумит в горах, —
Любовь и сила рунят скалы в прах.
Но что Хосрову довести труда?
Он весь — коварство и лихон стыда!
Войскам велит пыновки оп плести,
Заклятия волхвам произнести
И проложить пыновки под луной
Далеко в степь — не плоско, а волной...
Ширин не спит, она возбуждена,
Все о канале думает она.
Хосров приходит, лжет, лукавит,
Лестит: «Взгляни, Ширин, в степи вода
Блестит!»
Обман не заметила Ширин, —
Согласием ответила Ширин:
«Любовью за любовь не отплатишь ль,
Тому, кто оживил мой Мирзачуль?»
С тех пор, как тожь впервые в мир
Вошла, Она подлей не совершала зла.
Провел он с ней в ее покоях почь,
Луной глядела на обоих почь.
Когда же день луны с небос прогнал,
Исчезло счастье, честь, исчез канал...
В преданьи этом выразил узбек
Мечту, которой жил из века в век.
И в наши дни еще то там, то тут
Следы преданья древнего живут.
Так, в Мирзачуле есть Фархад-гора
С зарубкой от его же топора.
А в Беговате замок есть один, —
Он, говорят, принадлежал Ширин.
И степь, мол, сохранял сотни лет
Иранского тирана подлый след.
Века народ за воду вел борьбу,
Водой решал народ свою судьбу.
И лучшие сыны народа, те,
Что прожили свой век на высоте, —
Как Улугбек? наш мудрый, например,
Как наш бессмертный гений Алишер,
А позже — наш Хамза Хаким-Заде,
Метались все джигиты лишь о воде.
Рыл Улугбек каналы для страны, —
Кой-где плотины их сохранены.
Поэтом был великий Навои,
И проводил арыки Навои.

«Фархада и Ширин»¹⁰ кто знает, тот
В Фархале Алишера узнает.
Хоть он пером, а не клячкой, владел,
Но так народу воду дать хотел,
Что и пером прорыл бы он канал,
Чтоб край родной пужды в воде
не знал...
Борьба за воду чтит народ наш. Так —
То здесь, то там — район или кишлак
Назавань носит качества воды
Из тех, кто в воду вкладывал труды:
Галиятбар, Афросиаб, Хакка, —
Их музыка, как пенье струй, звонка.
Вода — почет, воде у нас — любовь,
Вода — страны батырской нашей кровь.
Прекрасный край в отечество нам дан,
Благоуханный наш Узбекистан!
Народ не раб, поверженный теперь,
В своих руках все держим мы теперь:
И города, и кишлаки твои,
Поля, сады и цветники твои.
Во всех углах твоих есть в веснах
Путь, —
Отныне всюду волюнским буди!
Едва ль не больше, чем земли в полях,
Мы золота найти б могли в полях.
Творишь с тобою хлопок чудеса:
Он — лик твой светлый, он твои
краса!
Не потому ль прославил нас и шелк,
Что даже небо здесь атлас и шелк?
Тепло у нас. Здесь жарко, как в печи,
Здесь и язык и нравы горячи.
На солнце посвежает здесь глаза,
Цветы на камне всходят иногда.
Весной разливы грозны и жестоки,
Зной превращает реки в кипяток.
Наш север шумной Сыр-Дарьей омыт,
На юге же Аму-Дарья шумит.
В лотках — Зеравшан наводит страх,
Но причесает потом, хитрец, в песках.
Немало мы имеем мощных рек,
Но мало ты от них берешь, узбек!
Хорезм вертит, вертит чигири, —
Лишь опрыснет он, а сух внутри.
В зной маловолье сушит Бухару,
Не сыт водой и Самарканд в жару.
Всю жизнь мы ищем воду — стар
и млад,
Как в сказках ищут заповедный клад.
Гонимся, охотимся за ней,
Зря тратим миллионы трудовей.
Уж сколько лет у нас в руках весна,
Дорога к счастью нам давно ясна,
Все есть у нас... Однако почему
Нам не покорна до сих пор Аму?¹¹
Не служит нам на благо Сыр-Дарья,
Уносит влагу скрита Сыр-Дарья?
Работать нам безводной землей —
Трудней, чем скалы пробивать иглой.
От парских мы забавились пепей,
А термам гнет засухивших степей!
Пустыня Яз-Яван к лицу ли нам?
Позор в названьи Мирзачуля нам!
В наш величайший, в сталинский наш век
Все слава советский человек!
Народ узбекский! Ты хозяин тут, —
Пусть эти земли тоже расцветут!
Природы гнет с себя, как рабство,
Склянь,
Чтоб ни степей голодных, ни пустынь!
Мы Сыр-Дарью до капли выльем в них,
Чтоб насладиться изобильем в них.
Да! Будет день — и в Гулистан и
в рай
Сплось превратим мы дорогой наш край!
Тебе, отец народов, друг наш, вождь,
Приветствий наших благодарный дождь!
Ферганцы и хорезмцы — пишем мы:
Тобой живем, тобою любим мы.
В разгаре лето здесь. Дела у нас...
Не знаем даже, как начать рассказ.
Тебе, наш вождь, мы прямо говорим:
Геройские мы здесь дела творим.
Чтоб наш народ нужды в воде не знал,
Ферганский мы построили канал.
За сорок пять мы дней свершили то,
О чем мечтали предки уж лет сто.
Не скромный арычок и не арык:
Широк канал Ферганский и велик...
Да, спля, зпачит, у народа есть!
Природа тут узнала нашу месть!
Немало было для того причин:
Мы отомстили и за клз Ширин.
¹⁰ «Фархад и Ширин» — знаменитая поэма Навои на основе популярной восточной легенды.
¹¹ Аму — Аму-Дарья.
¹² Быз — девушка, почтительное обращение к женщине.

Работали мы, правда, день и ночь:
Отец, и сын, и внук, и мать, и дочь.
Была работа, скажем, не легка,
Зато теперь прославят нас века...
Ферганскую долину в этот раз
Из края в край громоподобный потряс:
К нам наши братья и соседи шли —
Таджики, с телом крепче мели, шли.
Батыров тысячу справа шло,
И слева тысячу справа шло.
Хожентские¹³ шли исполнены к нам,
Канибадамцы¹⁴ шли долиной к нам.
Пришли с кирками, с кетменями все,
Степью стали вместе с нами все.
И, за пояс природу взяв, они
Нам помогли с ней справиться в те дни.
Тебя мы вспоминали, что ни день
И что ни час, лишь брался за
кетмень.
У нас в сердцах ты был все время
тут, —
Одно уж это облегчало труд.
На Куйган-Яре утром рано был,
В ночном сиянии Уч-Кургана был,
На Алтын-Куле поднимал наш дух,
Был радостью для старцев и старух.
Да, потрудился на канале мы,
Вершины гор испровергали мы.
С тех пор, как существуют кетмень,
Таких чудес не делали они.
С тех пор, как труд среди людей
возник,
Так никогда он не бывал велик.
Такого вдохновенного труда
Не знал никто, нигде и никогда.
Что — рухнуть гору? Мы ее с земли
Подбросить то небес тогда могли!
Поражены и сами были мы:
Иной джигит один сносил холмы.
В работе каждый был у нас горяч,
Но что творил наш Талжимат-силач!
Представь: работу тридцати людей
Продолжал он за день, чародей.
Иной за десять норм перевалил,
Куда не зная деть избыток сил.
Шутя так дусматовцы¹⁵ подчас:
«Земли в степи хватало бы для нас!»
Не знали сами — это явь или сон?
Был шар земной, казалось, потрясен.
Казалось, о пошале нас моля,
Раскалывалась в ужасе земля.
Ударит взрыв — дым закружится
вверх,
Валетая комья, словно птицы, вверх.
А пыли! Нам солнце затмевала пыли!
Вот и решаи, что сказка и что быль.
Какой размах работы, труд какой!
А на душе — довольство и покой.
Прохлада ночью, днем паливший зной, —
Так — день за днем: и труд и шпр
спяшной.
Нас на заре будили карнайчи¹⁶,
В обед нас улаживали дутарчи¹⁷.
По вечерам мы слушали певца,
Чьи голоса именяли певчих птиц.
В степи была и смена. Уч-Курган
Не мог вместить всех зрителей-дохкан.
Нам оперу прислали в Куйган-Яр —
Узбекского искусства сладкий дар.
Мы слушали и трели Халимы¹⁸,
И чтецию Сарахон¹⁹ внимали мы.
При фажелах плясала, пела — дост!²⁰ —
Тамарахон²¹, краса восточных звезд.
Кто слушал ах, тот второе выполнял, —
Искусство помогало рыть канал.
Узбекистанские большевики,
Все лучшие твои ученики,
Все из Ташкента с'охались сюда, —
Руководили нами, как всегда,
Одушевляя нас и нас уча
Твоим правдой, правдой Ильича.
Начальником был Тшаабай-ака,
Тобой живем, тобою любим мы.
И, веря в силы, вияя рвенье масс,
Лягуя за себя, как и за нас.
Самозабвенно, всем кругим в пример,
Работал с нами каждый инженер...

За Ферганой следил по картам мир:
Что сердце — то пылающий гандыр²².
Друг ликовал, а недруг проклинал, —
Но вот он — легендарный наш канал!
Взглянула б ты, красавица Ширин!
Иным путем пошла река Нарын.
Преступный свой она забыла смех:
«Простите, люди, мой исконный грех!
Не выдум а из нового русла,
Не буду делать человеку зла.
Действительно, он мудр и он силен, —
Я кроткой буду, как рабочий слон»...
Нарын в плену, в почетнейшем плену,
Теперь она поит всю Фергану,
Пойдет в пустыню Яз-Яван, а там —
К таджикам повернет в Канибадам,
И будет нам она служить весь век, —
Пример для прочих непокорных рек.
Итак, одна исполнилась мечта:
Водой отныне Фергана сыта.
Придет вода в пустыню Яз-Яван, —
И жизнь, шумя, нахлынет в Яз-Яван.
Степь, где в течение многих тысяч лет
Невиданным был человеческий след,
Как она станет хороша, когда
В ней зажурчит ее душа — вода!
Она нам хлопок самый лучший даст,
Шпешницу, рис, вместо колючек даст,
И подлинно тогда — где ни ступи —
Сокровища откроются в степи.
Там будет все отрадом для глаз:
Шелк закружит в пустыне и атлас;
Защелкает там соловьи тогда,
Рассыпятся по пастбищам стада;
Не будет счета кобылицам там,
И скакуны начнут резвиться там;
Мы разобьем там парк и сады,
Где будут зреть сладчайшие плоды...
Не хвастая, мечтать мы смеем так:
Канал не только есть источник благ,
Который лично нам украсит жизнь, —
Мы верим: он есть вклад в социализм.
Он всей стране пройти вперед помог,
Он коммунизма близкого залог...
Да, все это канал-наш совершит,
Но много и насущных нужд решит.
Ну, скажем, даст он воду для страны,
Но самый труд мы облегчить должны,
Есть степь поля бескрайные у нас,
Есть тракторы, комбайны есть у нас,
Автомобили... Но по сей же день
Живет и колотопный наш кетмень.
Отцы и деды знали свой клочок, —
На нем кетмень едва улечья мог.
А тут — волхоз, совхоз... Нам
с каждым днем
Труднее управляться с кетменем.
Вот и мечтаем мы, чтоб наш канал
Из гола в гол нас так обогащал,
Чтоб наш кетмень, что всех легенд
старей,
Сменили на машины мы скорей.
Еще не все. Почти ферганский наш,
Большой наш труд, канал гигантский наш
В потомстве множество легенд роит,
В истории он станет знаменит,
И правнук скажет: «Это те дела,
Что сталинская мудрость рошила,
Что оварилась гением его,
Творилась поколением его»...
Однако — это первое звено
В цепи трудов, что нам свершить дано.
На очерке Мирзачуль теперь, —
С Голодной Степью кончим мы, поверь.
Земля ждала — пришла ее пора:
Уже канал копают Бухара
И Самарканд, Взглянь за вогу мы
Всем отдадим ее народу мы.
Забудет вредный порок свой Аму:
Хорезм зовет — она придет к нему.
А за Хорезмом и за Бухарой
И ты, кара-калпак, каналы рои!
А там — кругой, там — третий,
И мы покочим с вечной жаждой так...
Ты можешь верить нам, великий вождь:
Народов мощь — ты знаешь эту мощь!
И Фергана свидетельница в том,
Что воля с вольным делают трудом,
Что делает народ, кого вперед
Ведет, как старший брат, другой
народ.
Да, русскому народу — вновь и вновь
Рахмат²³ за помощь, за его любовь!

Да, русскому народу — наш привет!
За то, что Ленинский он дал нам свет,
За то, что к сталинским нас приобщил
делам, —
Салам²⁴ народу русскому, салам!
Однако, уважаемый отец,
Хоть пишем мы от чистоты сердец, —
За столь пространное прости письмо, —
Ты очень занят, но прости письмо.
В душе еще мечту мы бережем:
Ведь есть другой Восток — за рубежом.
И если б угнетенный тот Восток
Из наших дел пример себе извел,
Он, может быть, стрыкнул бы рабский
сон
И стал, как мы, свободен и силен...
Иран, Афганьстан и Индустан!
Ваш брат вам говорит — Узбекистан:
«Канал наш — символ нашей всей
судьбы.
Угнетены мы были и слабы,
И вот чем стали мы теперь, и вот —
Как наш Восток, как наш Восток
живет!
Мы скручиваем буйным рекам хвост,
Понадобится — мы лопьем до звезд!
Кто слышал нас? Теперь нам внемлет
мир:
В карней побед трубят народ-батыр,
И говорит батыр узбекский так:
Всем угнетенным — лишь Москва
мак,
И все, кто истинной свободой ждуть,
Пусть, как и мы, за Сталиным идут!»...
Спокоен — сильный, и спокойны мы, —
Доверья твоего достойны мы.
Стоит могучим войском твой Восток,
С советской розы даже лепесток
Сорвать врагам теперь мы не дадим:
Пусть стунуса — отрубим руки им!
Источник новой, светлой жизни — ты,
Отец наш в дорогой отчизне — ты.
Ты существуешь — гора нет у нас,
Ты существуешь — светит свет у нас.
Величие отечества — в тебе,
Надежды человечества — в тебе.
Ты — величайший, лучший дар земной.
Тобой навек украсен шар земной.
Оплот освобожденных — Сталин наш,
Маяк для угнетенных — Сталин наш.
О, гордость победителей, — живи!
На страх поработителей живи!
Ты — остра звенящая стрела,
Ты — горное парение орла.
Тягчайший труд — с тобой не в бремя
нам.
С тобой удача держит стремя нам.
Кто твой высокий избрал путь,
Тем — ясный месяц озаряет путь.
Даль близкой станет всем, кто за тебя,
Цель не обманет тех, кто за тебя.
Ты скажешь: «Пусть!» — возникнет
путь в горах,
Ты скажешь: «Пусть!» — и рухнут
горы в прах.
Река родится, если скажешь: «Будь!»
Ты скажешь: «Стои!» зародится ей
путь.
Ты — чаяния народов, ты — их цель.
Всех наших дел и мыслей колыбель.
В стихах писать уместней о тебе, —
Нет языка без песни о тебе.
И матери поют, и их плещны,
Поэты и народные певцы.
Не будь тебя — нам был бы тесен мир,
Но будь тебя — покрывла б плесень мир.
Не будь тебя — носили б цепи мы,
Но оросили б наши степи мы,
Нам без тебя укоротился б век,
Не будь тебя, — то чем бы стал
узбек?!
Нам в слове «Сталин» — утешенья
восте,
Всем трудностям в нем разрешение есть.
Ты наша слава, совесть, песня, речь.
Наш верный щит и наш победный меч.
Ты — Ленгана вернейший ученик,
Ты сам, как Ленин, стал в веках
велик.
Мы обрели опору и оплот
В той партии, которой ты оплот.
Ее питомец и учитель ты,
Ее бессмертный вдохновитель ты.
Тебя мы славим — славу ей поем,
Ее все славим мы в лице твоём.
Так — здравствуй, Сталин, и ото лет
живи,
Сияй, как солнце, для побед живи!
И нас вели коронов побед!..
Прими страны счастлившей привет!

Письмо принято на массовых митингах и торжествах — тоих всеми строителями
Большого Ферганского канала. Письмо изложено в стихах поэты:
ГАФУР ГУЛЯМ и ХАМИД АЛИМДЖАН.
Перевел с узбекского ЛЕВ ПЕНЬКОВСКИЙ.

ПИСАТЕЛИ И АРТИСТЫ У ПРИЗЫВНИКОВ

КНЕВ. (Наш корр.). С первых же дней начала призыва украинские писатели, артисты и другие работники искусства принимают самое активное участие в культурном обслуживании призывающихся патриотов страны социализма.

В призывном пункте Сталинского района г. Киева была организована встреча писателей П. Панча, С. Складанко и А. Малышко с призывниками. Писатели познакомил призывников со своими произведениями. П. Панч прочитал отрывок из романа «Пархоменко», С. Складанко — отрывок из романа «Шорс», А. Малышко — стихотворение «Письмо призывника».

Вчера в помещении этого же призывного пункта состоялась районная встреча писателей председателя призывной комиссии т. Карлина о результатах первого дня работы вышестоящего писателя Иван Ле. Его сына в этот день приняли в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии. В своем выступлении Иван Ле говорил о своей радости за сына, рассказав о том, как он готовил сына к службе в РККА.

В районкомитете принимали участие депутат Верховного Совета УССР набравший артист республиканского Патрощинский, народная артистка СССР орденосеца Литвиненко-Вольгемот, кавалера «Думка».

К призывникам Ленинского района приезжали артисты Государственного русского драматического театра. Радушно встречены артисты дали концерт, в котором участвовали: заслуженная артистка республиканского театра, артисты Милтон, Каласов и Долгийский, а также профессор Киевской ордена Ленина консерватории Малик.

В станицком Доме обороны, где расположился один из призывных пунктов Кировского района, выступала кавалера бандуристов. В призывном пункте Молодоговского района выступал квартет им. Чайковского и т. д.

Ежедневно сотни молодых людей, призываемых в Красную Армию и Военно-Морской флот, имеют возможность бесплатно посетить отличные театры и кино.

МОСКВА. Группом писателей при Гослитиздате организованы три бригады писателей и поэтов для литературных выступлений на призывных участках.

Активно работают на призывном участке Ленинградского района писатели члены группом тт. Лозин (бригадир), Шпакская, Дилевская, Бондаревский и Ослендер.

На призывном участке Сталинского района выступают тт. Карпов (бригадир), Лахута, Оборова, Дятла. На призывном участке Советского района — тт. Островер (бригадир), Матарас, Бугаевский, Доронин, Липкина и Черныш.

Выступления писателей пользуются огромным успехом. Особенно горячо встречали призывников поэты Липкина и Долгина, которые читали свои стихи, посвященные освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии от польского гнета.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). С большим подъемом проходит в Ленинграде призыв в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию и Военно-Морской флот СССР. В эти дни на призывных пунктах можно увидеть многих ленинградских писателей. Они беседуют с призывниками, другие читают им свои стихи и рассказы, третьи помогают оформить стенограммы и бюллетени. На призывных пунктах выступают А. Прокофьев, М. Соколинский, А. Гетович, Л. Кавторвич, И. Садовцев, Г. Гор, С. Марьяч, С. Хмельницкий, Е. Рывина, В. Лифшиц, А. Решетов, И. Братт.

Интересная встреча призывников Воинского района с Михаилом Зощенко состоялась на днях в Доме писателя им. Маяковского. Призывники оживленно беседовали с любимым писателем, расспрашивали о его работе и с интересом прослушали рассказы, прочитанные им т. Зощенко.

Группа писателей участвовала в общегородском вечере лучших призывников. От имени союза писателей молодых патриотов горячо приветствовал Александр Прокофьев.

В ДРАМСЕКЦИИ ССП

На днях в Клубе писателей состоялось заседание секции драматургов с активом. Тов. Чичеров сообщил о работе специальной комиссии, которая готовит по заданию Политуправления РККА к изданию сборник новых оборонных произведений малых форм и предлагает в переиздание некоторые из опубликованных ранее. Подготавливаются рекомендательный список оборонных и патристических пьес.

На призывных пунктах активно работает группа московских драматургов. Советские обслуживают вопрос о проведении творческой конференции по оборонной драматургии совместно с Политуправлением РККА и Всероссийским театральным обществом. На конференции предполагается заслушать доклад на тему: «Советский патриотизм и эволюция театров», «Красная Армия в искусстве» и «Оборонная драматургия». Секция драматургов высказалась за проведение этой конференции в ноябре.

Драмсекция приняла решение об утверждении трех ежегодных литературных премий за лучшие пьесы, написанные в течение года. Одна из них (в 15 тыс. рублей) будет присуждаться за драматургическое произведение для взрослых, вторая (15 тыс. рублей) — за пьесу для детского театра. В случае, если эти премии будут присуждены авторам национальных пьес, устанавливается дополнительная премия в 6 тыс. рублей за лучший пьесу перевод на русский язык. И третья премия будет присуждаться за лучший перевод пьесы иностранного автора (6 тыс. рублей).

На заседании было заслушано сообщение о создании в Москве, при Всероссийском доме народного творчества, профессионального театра одноактных пьес. Репертуар нового театра будет состоять из современных и классических произведений. Театр откроется в ноябре текущего года и будет давать спектакли в двух помещениях — Театре Радиоплана и в клубе Москвошвей.

Литературная газета
№ 53

Подготовка к декаде белорусского искусства

В начале 1940 года в Москве будет проходить декада белорусского искусства. С огромным подъемом и радостным волнением готовятся сейчас работники искусства республики к этому знаменательному событию.

Особенно большая подготовительная работа проводится в Большом государственном театре оперы и балета БССР. Театр успешно начал сезон в новом прекрасном помещении. Зрителю столицы Белоруссии — Минска театр не так давно показал вторую оригинальную белорусскую оперу «Дригва» («Трапина») — музыка депутата Верховного Совета БССР композитора А. В. Богатырева. Опера прекрасно встречена зрителем и получила хорошую оценку столичной общественности и печати. Она ярко и выразительно рассказывает о героической борьбе белорусского народа с белой армией Польши в 1920 году. Основные партии оперы исполняют заслуженные артисты республики Муроч, Засепкин, Арестко, Авлеенко и Калининский. Постановку оперы осуществил заслуженный артист РСФСР Н. Шлепянов.

Интенсивная работа идет и над оперой «Кветки пшасця» («Цветки счастья»), автором которой является депутат Верховного Совета БССР композитор А. Е. Турецков. Турецков заканчивает сейчас оркестровку последнего акта оперы. В конце сентября состоится премьера первой белорусской балеты «Соловей» (музыка М. Крошнера). Просмотр трех картин балета, состоявшийся на днях, вызвал всеобщее одобрение. Сейчас заканчивается работа над последней, четвертой, картиной.

Государственная филармония БССР готовит заключительный концерт декады.

В отличие от предыдущих декад, Белоруссия пожелает в Москве не только оперное, но и драматическое искусство. На декаду поедет старейший художественный коллектив республики — первый государственный драматический театр. Он готовится показать в Москве три оригинальные белорусские спектакля («Гибель воляка», «Партизаны», «Кто смеется последним») и одна спектакль русской классики — «Последнее» М. Горького. Большую помощь театру оказывает артист МХАТ, заслуженный артист РСФСР орденосеца Раевский.

Центральный Комитет КП(б)У и правительство республики уделяют серьезное внимание подготовке декады, которая должна продемонстрировать блестящий расцвет белорусской культуры за годы советской власти.

П. НОВАЛЕВ.

«ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

22 сентября в Институте мировой литературы им. А. М. Горького состоялось совещание авторского коллектива первого тома «История советской литературы».

Несмотря на то, что работа над этим томом истории современной литературы народов СССР должна быть целиком закончена к декабрю 1939 года, до сих пор в портфеле института имеется всего лишь четыре статьи, в то время как в первом томе их должно быть помещено более 40. Но и представленные статьи страдают крупными недостатками и требуют большой дополнительной работы.

Руководитель отдела советской литературы института М. Сербурский в своем выступлении отметил типичные ошибки, допущенные почти всеми авторами статей. Писатель, творчество которого посвящено жизни и быту братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии. На выставку будут представлены богатые коллекции музея, наглядно рассказывающие о национальном гнете, эксплуатации и произволе, которые испытывали под игом польских панов наши братья украинцы и белорусы. Ряд материалов ярко иллюстрирует отсталость сельского хозяйства в Западной Украине и Западной Белоруссии, нищету крестьян, разоренных панами помещиками. Интересны материалы об украинской и белорусской национальной культуре, которую всячески подавляли и игнорировало польское правительство.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Государственный музей этнографии в Ленинграде готовит выставку, посвященную жизни и быту братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии. На выставку будут представлены богатые коллекции музея, наглядно рассказывающие о национальном гнете, эксплуатации и произволе, которые испытывали под игом польских панов наши братья украинцы и белорусы. Ряд материалов ярко иллюстрирует отсталость сельского хозяйства в Западной Украине и Западной Белоруссии, нищету крестьян, разоренных панами помещиками. Интересны материалы об украинской и белорусской национальной культуре, которую всячески подавляли и игнорировало польское правительство.

Совещание авторского коллектива решило обратиться к президиуму союза советских писателей с просьбой об оказании непосредственной помощи редакционному коллективу в работе над курсом.

СОВЕТСКИЙ ПАВИЛЬОН

Письмо из Нью-Йорка

Советский павильон говорит сам за себя. Это мощная симфония из камня и мрамора, порожденная мечтой о завтрашнем дне, музыка издалека, но близкая каждому, кто способен наслаждаться гармонией и прекрасными звуками.

Я не могу себе представить, как выглядит Советский павильон, когда он пуст, когда в нем нет народа. Каждый раз, как я бываю там, — а бываю я туда часто, даже в дождливые, ненастные дни, когда на выставку мало посетителей, — казалось, что все они сходятся в этом чудесном павильоне. Павильон, павильон — какое забавное название для такого монументального здания! Как в будничные, так и в праздничные дни павильон всегда переполнен, и толпы народа расходятся там; все улыбаются, смеются, беседуют, и никак не удалят их оттуда.

Я несколько месяцев пробыла в Советском Союзе в 1934 году и ездила по нему и осматривала то, что хотела осмотреть, сама рехала, где побывать и что видеть. И при каждом посещении Советского павильона я вспоминала, что было достигнуто уже тогда и что тогда только планировалось, а теперь уже выполнено. С радостью, с замиранием сердца узна-

В ноябре будет закончен новый большой художественный фильм «Поднятая пелена» по мотивам одноименного романа. Сценарий написан писателем-орденоносцем М. А. Шолоховым и драматургом С. А. Ермолинским. Режиссер Ю. Я. Райзман производит сейчас съемки последних декораций и вскоре начинает монтаж и озвучание картины. Для фильма «записаны» долгие часы работы артистов СССР В. Г. Добрынин (справа) и Манар Нагульнов — заслуженный артист РСФСР М. С. Болдуман.

УКРАИНСКАЯ И БЕЛОРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гослитиздат в ближайшее время выпустит большую антологию «Поэзия Советской Украины» под редакцией Н. Бажапа, Н. Брауна, Л. Первомайского, А. Суркова, П. Тычины, П. Усатко, И. Ушакова. Здесь собраны лучшие поэмы, песни и лирические стихотворения украинских поэтов. Первые выпуски осуществлены Н. Асеевым, П. Тихоновым, А. Сурковым, А. Прокофьевым, Н. Ушаковым, Н. Брауном.

Находясь в производстве: поэма Микола Бажапа «Киров» в переводе В. Турчина, сборник песен и стихотворений колхозниц-поэтов орденосеца Марии Мятко, избранные произведения М. Кошаринского, «Валдники» Ю. Яновского, «Три комедии» К. Барнито, Кроме того, Гослитиздат подготовил к печати «Избранные стихи» Максима Рыльского, избранные произведения Леси Украинки, Ивана Франка, сборники «Украинские думы и песни» и «Украинские сказки», повесть советского украинского писателя Ивана Ле «История радости», «Восемнадцатилетие» Ю. Смолича, «Избранные стихи» П. Тычины. По плану 1940 года намечены к изданию сборники стихотворений украинских поэтов Л. Первомайского, В. Сосюры и Т. Масенко.

Из произведений белорусских писателей и поэтов Гослитиздат в скором времени выпустит избранные стихотворения Янки Купалы и Якуба Коласа. Впервые на русском языке будет издан сборник избранных стихотворений Максима Богдановича в переводе М. Исаковского, Б. Иринича и П. Семьикина. Редакция и предисловие к этому сборнику осуществлены Е. Мозольской.

Гослитиздат подготовил также и печатный роман белорусского писателя Эдуарда Самуилевича «Буудняцтва». Намечена к изданию повесть Якуба Коласа «Трапина», которая посвящена борьбе белорусского народа с белопольскими оккупантами. Повесть издается в новой редакции.

В 1940 году будет выпущена большая антология белорусской поэзии и сборники стихотворений белорусских советских поэтов П. Бровки, П. Глебки и А. Кулепова. Предполагается к предстоящей в 1940 году декаде белорусского искусства в Москве издание специального сборника, где будут собраны лучшие образцы белорусской поэзии, поэмы, народного творчества и ряд статей о белорусском искусстве, литературе, театре.

Литературные выставки для Западной Украины и Западной Белоруссии

Государственный литературный музей в ближайшее время отправляет в города и села Западной Украины 25 передвижных выставок, посвященных жизни и творчеству великого украинского поэта Тараса Шевченко. Подбираются также экспонаты для передвижных выставок, посвященных Шолому-Алейхему, которые будут направлены в Западную Белоруссию.

Кроме того, Гослитмузей готовит ряд портретов Пушкина, Горького, Шевченко, Шолом-Алейхона и других писателей для массового распространения среди населения Западной Украины и Западной Белоруссии.

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). Государственный музей этнографии в Ленинграде готовит выставку, посвященную жизни и быту братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии. На выставку будут представлены богатые коллекции музея, наглядно рассказывающие о национальном гнете, эксплуатации и произволе, которые испытывали под игом польских панов наши братья украинцы и белорусы. Ряд материалов ярко иллюстрирует отсталость сельского хозяйства в Западной Украине и Западной Белоруссии, нищету крестьян, разоренных панами помещиками. Интересны материалы об украинской и белорусской национальной культуре, которую всячески подавляли и игнорировало польское правительство.

КАРИН МИХАЭЛИС

СОВЕТСКИЙ ПАВИЛЬОН

Письмо из Нью-Йорка

Советский павильон говорит сам за себя. Это мощная симфония из камня и мрамора, порожденная мечтой о завтрашнем дне, музыка издалека, но близкая каждому, кто способен наслаждаться гармонией и прекрасными звуками.

Я не могу себе представить, как выглядит Советский павильон, когда он пуст, когда в нем нет народа. Каждый раз, как я бываю там, — а бываю я туда часто, даже в дождливые, ненастные дни, когда на выставку мало посетителей, — казалось, что все они сходятся в этом чудесном павильоне. Павильон, павильон — какое забавное название для такого монументального здания! Как в будничные, так и в праздничные дни павильон всегда переполнен, и толпы народа расходятся там; все улыбаются, смеются, беседуют, и никак не удалят их оттуда.

Я несколько месяцев пробыла в Советском Союзе в 1934 году и ездила по нему и осматривала то, что хотела осмотреть, сама рехала, где побывать и что видеть. И при каждом посещении Советского павильона я вспоминала, что было достигнуто уже тогда и что тогда только планировалось, а теперь уже выполнено. С радостью, с замиранием сердца узна-

В мире книг

БИБЛИОТЕКА А. А. КОТЛЯРЕВСКОГО

Известный филолог Александр Александрович Котляревский (1837—1891) начал собирать библиотеку еще в бытность своим студентом Московского университета. «В его скромной студенческой комнате, — вспоминает Алексей Н. Веселовский, — на самой вышке одного из старых домов Арбатской площади, помню, что сложился редкая для студента библиотека, главное его сокровище, и среди иных творений она вызвала к нему какое-то особое, почти пугливо уважение».

Ко времени окончания Котляревским университета библиотека его уже имела вполне определенный характер. В подборе ее отразились его научные интересы. В ней нашли место труды по этнографии, языку и мифологии, — все существенное, что представляло тогда литературу в этой области. «Впоследствии, — пишет А. П. Лышин, — эти зачатки выросли в замечательную специальную библиотеку, у нас единственную в своем роде, на которую Котляревский положил много труда и времени и пополнение которой было его заботой буквально до последних дней его жизни... Он настойчиво искал недостававших ему книг, брошюр, журнальных и газетных статей; он хотел, чтобы его библиотека была полной коллекцией литературы предмета и как бы наглядно охватывала историю науки».

Начав свое собирательство в Москве, которая в 60-х годах «была самым богатым источником для поисков в книжной старине», Котляревский впоследствии разыскал нужные ему книги и за границей, приобретая все, относящееся к русской и славянской этнографии и археологии. «Котляревский, — вспоминает проф. А. А. Кочубинский, — не просто был библиофил, это был книголюбец до горящей страсти... Что нельзя было достать в оригинале, например, отдельные статьи из старых газет и журналов, то заказывалось списать, и деньги не жалелись, лишь бы только передаться была точна и изящна... Могу удостовериться, что не было статейки, значенной в свое время имевшей, которая не была бы в соответствующей папке... Но, влюбленный в книги, он приобретал их не приобретая ради, а тогда же знакомился с ними, утилизировал их, отмечая нужные места на карточках. Всегда погруженный в книги, в вопросы науки, он был в благородном смысле филолог; искал во всем живой мысли, жизни».

Библиотеку Котляревский завещал своему сыну, но только в том случае, если тот окончит историко-филологический факультет; в противном случае библиотека должна была поступить в Полтавскую гимназию, в которой учился Котляревский. Сын — Нестор Александрович Котляревский (1863—1925) — исполнил желание отца: стал историком литературы, получил звание академика. Большую часть обширной отцовской библиотеки он принес в дар Историческому музею в Москве.

Н. АШУНИН. ВСТРЕЧА КОМПОЗИТОРОВ С ПОЭТАМИ

Оборонная секция союза советских композиторов провела на днях творческую встречу композиторов с поэтами. Композитор Д. Кабалевский сообщил, что союз композиторов с 22 по 27 сентября проводит пятнадцатидневный конкурс оборонной песни.

Присутствовавшие на встрече поэты Д. Алтауэн, О. Колычев, А. Ситковский, А. Ослендер, П. Панченко, А. Ковалевко и Я. Смеляков прочли композиторами новые тексты своих стихотворений, написанных для песни. Стихи заинтересовали композиторов, и многие из них выразили желание написать на тексты музыку. Так, например, композитор Сергей Прокофьев взял текст стихотворения Панченко «Шел станция казак». Композитор Киншперг — стихи Ковалевкова «Храброе сердце».

В товарищеской беседе композиторы и поэты договорились о дальнейшей совместной творческой работе. В ближайшее дни предполагается провести вторую встречу, на которой композиторы исполнят новые песни, написанные на оборонных стихи.

Песни, одобренные на конкурсе, будут изданы массовым тиражом и кроме того войдут в специальный сборник новых оборонных песен.

КНИЖИ ПИШУТ

МАГАЗИНЫ МОСКУЛЬТОРГА

МАГАЗИН № 15 — Кичеевский проезд, д. 1, тел. Б-4-39-39.

МАГАЗИН № 16 — Арбат, д. № 4, тел. Г-4-30-30.

Для покупки библиотек высылаются на дом товароведа.

КНИЖНАЯ ЛАВКА ПИСАТЕЛЕЙ

ул. Горького, 13, тел. К-1-28.

ПОКУПАЕТ КНИГИ РУССКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ; КУЛЬТУРНО-ИСКУССТВЕННУЮ ЛИТЕРАТУРУ, ПО ИСКУССТВУ, ТЕАТРУ И ИР. Для осмотра домашних библиотек в выходные дни ТОВАРОВЕДЫ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН ИЗДА «СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ»

Кутузовский мост, 18, тел. К-4-39-39.

П О К У П А Е Т
сочинения ЛЕВИНА-СТАЛИНА,
художественную литературу
в СТАРЫХ и НОВЫХ изданиях — всех
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ и ПЕРВОБУДУЮ
ИНОСТРАННУЮ.

Для осмотра домашних библиотек
высылаются товароведа.

ГООИЗДАТ — КОПИИ ЛИТКОПИИ И ГА

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ КНИГА ПОЭТА-ОРДЕНОНОСЦА АБУЛЬГАСЕМА ЛАХУТИ НА ФАРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ ИЗ БРАННЫЕ СТИХИ

Цена книги в переплете в руб.
в сборнике вышел стих, отражающие
революционную борьбу Ирана, рост и
расцвет Таджикистана, колоссальное
движение. Стихи на исторические темы,
литературские стихи.

Т Р Е Б У Е Т С Я эту книгу в книжных
магазинах КОПИИ. Высылку вышле-
жителю без оплаты, посылка произ-
водит ГЛАВНАЯ редакция КОПИИ
«ЛИТКОПИИ». МОСКВА, Нерлинская,
дом № 28.